

ОТ РЕДАКТОРА	1.htm	
УГОЛ ПАДЕНИЯ	2.htm	<i>артем соловейчик, леонид радзиховский, борис братусь, владимир фридман, григорий остер, виктор лошак, алексей кара-мурза</i>
ПСИХОЛОГИЯ ДОВЕРИЯ	3.htm	<i>владимир зинченко</i>
КАК МЫ ВОСПИТЫВАЕМ...	4.htm	<i>шалва амонашвили</i>
ЧТО ВАШ РЕБЕНОК ВИДИТ, ОЩУЩАЕТ И ПЕРЕЖИВАЕТ	5.htm	<i>даниел стерн</i>
УРОК ДЛЯ УЧЕНИКОВ ВОЛШЕБНИКА	6.htm	<i>наталья дятко</i>
ПРАВИЛА БЕСПОРЯДКА	7.htm	<i>ром харре</i>
КАК ЖИТЬ С "ВЯЗКИМ" ХАРАКТЕРОМ	8.htm	
ВВЕДЕНИЕ В СПЕЦИАЛЬНОСТЬ	9.htm	<i>александр колмановский</i>
УЧИТЕЛЬСКИЕ ДЕТИ	10.htm	<i>марина аромштам, иосиф фурман</i>
ЗАПИСОЧКИ НА КАЖДЫЙ ДЕНЬ	11.htm	<i>филипп барский</i>
КАК МЫ ВОСПИТЫВАЕМ...	12.htm	<i>мира тодоровская</i>
ДЕТСКАЯ ВОРОВАТОСТЬ	13.htm	<i>светлана кривцова</i>
НОВЫЕ ДОЧКИ-МАТЕРИ	14.htm	<i>мария тендрякова</i>
КАК МЫ ВОСПИТЫВАЕМ...	15.htm	<i>владимир познер</i>
ДЕТИ КИТЕЖА	16.htm	<i>анатолий цирульников</i>
КАК МЫ ВОСПИТЫВАЕМ	17.htm	<i>александр адабашьян</i>
ПЕЙЗАЖ С УХОДЯЩИМИ БРЮКАМИ	18.htm	<i>владимир петрушов</i>
ИСЧЕЗНУВШИЙ МИР "ТАРАКНИЦА"	19.htm	<i>борис сегаль, анастасия сегаль-кравцова</i>
ВОТ ЧТО Я ДАВНО ХОТЕЛ ТЕБЕ СКАЗАТЬ	20.htm	<i>анатолий берштейн</i>
ЗАПУТАВШИЕСЯ В ПАУТИНЕ	21.htm	<i>елена белинская</i>
АНТОЛОГИЯ ВЫСТАИВАНИЯ И ПРЕОБРАЖЕНИЯ. ВЕК XX	22.htm	
СОЦИАЛЬНАЯ ПСИХОЛОГИЯ ДЕТСТВА	23.htm	<i>мария осорина/вера абраменкова</i>
РАЗГОВОР СО ШВЕЙЦАРСКОЙ МАМОЙ	24.htm	<i>мария ганькина</i>

ОТ РЕДАКТОРА |

Все, что угодно. Только не невнимание. От этого они захиреют, - эти слова Михаила Афанасьевича Булгакова относятся и к Мастерам, и ... к новорожденным журналам. Журнал "Педология/новый век" прошел свое первое испытание - невниманием. Он замечен. Он не утонул в мире равнодушия. Он эмоционально затронул разных людей независимо от их профессионального цеха, людей, принадлежащих к самому неутомимому племени - племени читателей.

Вы, читатели, радуетесь или негодуете. Вы задаете вопросы. Вы звоните из разных городов. И тем самым даете нашему журналу право на жизнь. А это значит, что состоялась гражданская реабилитация репрессированной в 1936 году науки о детстве по имени "педология"... Это значит, что в России, где идет непрекращающаяся борьба между светом и тьмой, есть немало людей, которые понимают, что детство - это перспектива будущего в настоящем, перспектива, придающая смысл всему нашему существованию.

Прислушайтесь. Вы услышите, что в каждом взрослом живет ребенок. Вы распознаете ГОЛОС ДЕТСТВА в каждом из нас. Он может звучать тихо или громко, грустно или радостно. Но он звучит непременно. И лучшие искания путей между мирами детства и мирами взрослых принадлежат тем, кто отваживается расслышать голоса детства в своем сознании и в многоголосице общества. Голоса детства звучат из уст писателей, психологов, педагогов, учителей, которые во времена недоверия вопреки всему говорят о непреложности тяжелого труда доверия. Голоса детства прорываются сквозь эзопов язык игр и сказок, лишь кажущихся суверенными территориями детства. Они перекачиваются по футбольным трибунам и школьным дворам, помогая постичь и принять правила беспорядка в детской и подростковой субкультурах, раскрыть секреты социальной психологии детства. И они, эти ГОЛОСА, доказывают, что наука о детстве - взрослая наука. Она нужна взрослым не меньше, чем детям. Особенно теперь, когда оказалось, что взрослые на равных вместе с детьми решают подброшенную новым веком старую задачу: "Пойди туда - не знаю куда...". И мы решим ее. Решим вместе с детьми. Решим ради них и ради самих себя. |

Угол падения | *артем соловейчик, леонид радзиховский, борис братусь, владимир фридман, григорий остер, виктор лошак, алексей кара-мурза*

Сегодня в России нет периодики, посвященной детству. Она была, но куда-то исчезла. Такая примета времени, которую предстоит разгадать. Мне хорошо знакома эта ситуация, поскольку я сам делаю газету для учителей.

Понятие "педология" интегральное, и поэтому чрезвычайно современное. Педология - наука о детстве. Все о детстве. Удивительно, что Лев Выготский и другие исследователи уже в 30-е годы, когда под научностью чаще всего понималась препарированность, решились объявить научным целостный взгляд на детство. К сожалению, тогда же в тридцатых, этот взгляд оказался "идеологически не выдержанным" - педологию разгромили. Тем более важным видится возрождение, а точнее, второе рождение педологии сегодня.

Новое издание должно суметь заявить о себе. Журналу "Педология. Новый век" это удалось. Хотя название журнала для многих пока звучит странно, но каждый, кто открывает его и читает, - сразу понимает, о чем идет речь. Ясно, что это уникальное издание на нашем печатном рынке. Его приятно взять в руки, хочется открыть и почитать. Мне очень нравится эта его интеллигентная матовость. И особенно приятно, что журнал возглавляет Александр Асмолов, который всю свою жизнь занимается развитием идей Выготского.

/ артем соловейчик, главный редактор газеты "Первое сентября"

Складывается ощущение, что восстанавливается историческая справедливость по отношению к науке о детстве. Нынешняя педология развивается в очень интересное время. С одной стороны, оно революционное: меняется сознание, растет иное поколение... С другой же - идеологическое давление равно нулю, а значит, педология имеет возможность развиваться как современная наука.

Думаю, педологии нынешней повезет больше, чем ее мученице-предшественнице. Сейчас все-таки хорошее время.

/ леонид радзиховский, обозреватель газеты "Сегодня" |

Впечатление от первого номера: романтическая попытка не просто вернуть термин "педология", а восстановить справедливость. Или - иначе - нить истории, оборванную и болтающуюся этим обрывком с середины тридцатых.

Восстановить, соединить - не значит туда вернуться, это значит тут продолжить. Как в рассказе об ученом, пробывшем в заточении долгие годы, а затем, по освобождении, восстановленном в Университете. Свою первую лекцию он начал словами: "Вчера мы говорили о..." Так и здесь - вчера мы хотели делать большую науку о детях. Изменились лишь способы набора текста, передачи информации; телефон отделился от шнура, а самолет вмещает триста человек и летит с сумасшедшей скоростью, но это изменение не времени, лишь его атрибутов. И как в эпоху Экклезиаста, нечего жаловаться, что время проходит. Это мы проходим.

Я благодарен создателям журнала за то, что они "не прошли" и восстановили нить, преступно и безумно оборванную вчера.

/ борис братусь, профессор факультета психологии МГУ

Больше всего меня удивило, что этот сборник статей озаглавлен "Педология". Отечественная педология 20-30-х годов Выготского, Блонского и Залкинда - это эмпирические обобщения "естественно-научного" характера. У настоящих педологов общению подлежали результаты объективных исследований, выполненных с применением воспроизводимых и проверяемых методик (создание которых и составляет почти все содержание проблемы тестирования), причем их обобщения касались развития практики ребенка (в марксистском смысле этого слова), доступной систематическому наблюдению и объективной регистрации. Наоборот, статьи сборника содержат частные наблюдения за развитием душевной жизни ребенка (частью интересные, частью - просто пошлые, в которых очень трудно отделить наблюдение от его ангажированной интерпретации). Осмысление и обобщение этих наблюдений авторами сборника происходит при помощи идеологизированных предположений о том, "как должно это быть у правильных детей" (за образец которых, видимо, взяты не Том Сойер и Гек Финн, а дети Будденброхов) (к сожалению, даже высокообразованный читатель может лишь поверить в эти предположения - никаких средств проверки предполагаемых ему мыслей и выводов не дается: по всей видимости, они вообще находятся за пределами фальсифицированного теста, по причине чего недоступны научной критике).

/ владимир фридман, кандидат биологических наук

Инициаторов творческого и научно-издательского проекта, решившихся на трудное, но увлекательное и крайне полезное дело - поздравляю с успехом. Выход первого номера журнала "Педология..." - старт для целой серии начинаний, объединяющих усилия педагогов, психологов, философов, новых российских меценатов. Что же касается таланта, ума и эрудиции, то, судя по первому номеру журнала, с этим у участников нового проекта все в порядке.

/ алексей кара-мурза, доктор философских наук

Мне особенно приятно приветствовать возвращение в мир науки педологии пока хотя бы в виде нового журнала. Дело в том, что я, вот уже года три, занимаюсь совершенно противоположным: создаю для детей науку папамалологию. А то дикость какая-то получается, разных рыб, птиц, насекомых, ежей и слонов наши дети изучают, а таких интересных и замечательных млекопитающих, как взрослые, - нет.

Папамалология - наука о взрослых. Они, взрослые, живут везде, где хотят, и неожиданно встречаются в природе на каждом шагу почти так же часто, как дети. Уже многие тысячелетия тому назад, изучив повадки взрослых, дети сумели приручить некоторых из них и использовать в своем домашнем хозяйстве.

В наше время взрослые играют важную роль в обеспечении детей конфетами, печеньем, жвачкой и разнообразными игрушками, хотя сами играть в игрушки не любят и не умеют. Многие ученые подозревают, что взрослые вообще не знают, как ими пользоваться. Разбросайте на полу перед взрослым самые заманчивые игрушки, например, кубики. Как вы думаете, что он будет с ними делать? Трудно поверить, но единственное, что взрослый способен сделать с кубиками, - это собрать их с пола и сложить в какой-нибудь ящик. Вот и все.

Как узнать взрослого? Это не сложно. Если человек ведет себя естественно, например, возит по полу за шнур настольную лампу, как автомобиль на веревочке, или мчится по коридору на четвереньках, перегоняя свою кошку, - это ребенок.

А если он ходит с тряпочкой, собирая никому не нужную пыль, или часами торчит как гвоздь на стуле, внимательно рассматривая книжку, в которой нет ни одной картинки, - тогда человек почти наверняка взрослый.

Чтобы убедиться окончательно, обратите внимание на круг его интересов. О чем он вас спрашивает?

Тот, кого интересует, зачем нужен пупок, где у дождевого червяка хвост, как обнимаются динозавры, - конечно, ребенок. Но если некто начинает задавать вопросы типа: "Что ты вытворяешь? Зачем взял? Куда полез? Ты что-нибудь соображаешь или нет?" - можете быть совершенно уверены: перед вами взрослый. Ни одно нормальное детское существо не станет задавать такие дикие вопросы, на которые совершенно невозможно дать хоть какой-нибудь вразумительный ответ.

Что прикажете отвечать детям, когда у них интересуются: "Как вам не стыдно?"

"Нам не стыдно очень?" "Нам не стыдно чуть-чуть?" И "Нам никак не стыдно" тоже вряд ли подойдет.

Для ученых всегда остается загадкой, что имеет в виду отец, приставая к собственному сыну с неожиданным вопросом: "На кого ты похож?"

Причем честный и правдивый ответ "На тебя, папочка" возмущенного отца почему-то не устраивает и только окончательно выводит из себя.

А что отвечать своей маме, когда она, дергая себя за волосы обеими руками, стонет на весь дом: "Откуда ты такая на мою голову?" Во-первых, почему на голову, а, во-вторых, уж мама-то сама должна знать, откуда берутся дети.

Трудно сказать, действительно ли взрослые хотят получить от детей ответы на все свои вопросы? Или их болезненное любопытство такая же вредная и бессмысленная привычка, как курение сигарет.

Зачем, к примеру, увидев человека, накладывающего в собственные ботинки манную кашу, раскрашивающего фломастерами ковер или протыкающего ножницами подушки, орать, как резанный: "Кто тебе разрешил?" Неужели, действительно, кому-нибудь может прийти в голову, что один нормальный человек способен прийти к другому такому же нормальному человеку и взять и спросить: "Можно я положу себе в ботинки манную кашу, раскрашу фломастерами ковер и проткну ножницами подушки?"

Кто же так поступает? Естественно, все эти вещи делаются без разрешения.

/ григорий остер

Меня немного удивило, что Александр Асмолов, известный ученый, встал "на тропу" главного редактора издания, взял на себя работу сложную и не всегда благодарную. Я предпочел новый журнал и подумал, что наверняка многим читателям захочется прийти в голову, что один нормальный человек способен прийти к другому такому же нормальному человеку и взять и спросить: "Можно я положу себе в ботинки манную кашу, раскрашу фломастерами ковер и проткну ножницами подушки?"

Журнал "Педология. Новый век" претендует на то, чтобы поднять репрессированную марку науки. Воспитание детей по-прежнему вещь очень важная. Может быть, даже самая главная. Поэтому, думаю, журналу суждено выйти за рамки специализированных изданий для узкого круга. Спасибо вам.

/ виктор лошак, главный редактор газеты "Московские новости"

ПСИХОЛОГИЯ ДОВЕРИЯ *— владимир зинченко*
— Мастер психологии, философ, культуролог, публицист.
По стилю мышления, духе и жизненной биографии
принадлежит к школе культурно-исторической
психологии Льва Выготского. Какими бы областями
знания не занимался - от психологии познания и
исключенной психологии, до психологии личности и
психологоадаптики - всегда оставался верен проблемам
действия. В настоящее время академик РАО и Академии
искусств и наук США.

He verio!
Константин Станиславский
Санчо Панса "во всем сомневался и всему верил".

...Заглянем в "Энциклопедический словарь" Брокгауза и Эфрона, в котором имеется хотя и спорная, но достаточно определенная характеристика доверия. Доверие - это "психическое состояние, в силу которого мы полагаемся на какое-либо мнение, касающееся нам авторитетным, и потому отказываемся от самостоятельного исследования вопроса, могущего быть нами исследованным. Итак, доверие отличается как от веры, так равно и от уверенности. Вера превышает силу внешних фактических и формально-логических доказательств. Доверие же касается вопросов, находящихся в компетенции человеческого познания; доверяется тот, кто не хочет или не может решить или сделать что-либо сам, полагаясь или на общепринятое мнение, или на авторитетное лицо. Уверенность - сознание собственной силы и состоит в доверии к истинности своего знания или правоте своего дела; доверие, напротив, проистекает из сознания слабости, неуверенности в себе, признания авторитета".

В "Советском энциклопедическом словаре" слово "доверие" отсутствует. Составители, видимо, решили не смущать доверчивость пользователя словарем. В "Словаре по этике" понятие "доверие" нашлось место. Ему дается социологическая характеристика в связи "с практикой взаимного обмена, веровства, мощничества" в классовом обществе. (Обратим внимание на то, что в русском языке в слове "недоверие" имеется забавная смесь лукавства с оптимизмом. Слоговая приставка "недо" - это еще не полное отсутствие. Недостаток - это не отсутствие достатка. Недоверие - не полное отсутствие веры, доверия.)

Поверим Брокгаузу и будем рассматривать доверие как психическое состояние - чувство, которое всегда преходяще. Завоевать, внушить доверие трудно, а лишиться его можно в одночасье, мгновенно. Это известно испокон веку. Конечно, нелегко самому отдаться на веру, на совесть, верить кому-то себя, свои тайны, свои дела, положиться на кого-то вполне (это мотивы из словаря Владимира Далея). Но будем спорить с Брокгаузом, является ли источником доверия сознание слабости или силы. Справедливо и то другое. Источником доверия может быть любовь, согласие по поводу верований и ценностей, даже излишняя самоуверенность. А условием его сохранения - постоянство.

Этимологически "питать доверие" (в латинском языке - *credo*) означает "сердце даю" или "сердце кладу". Это наводит на мысль, что доверие принадлежит к числу фундаментальных, важнейших психических состояний человека. Оно возникает в "кругообразном общении" между людьми, то есть не является врожденным. Говорить с кем-то - это уже означает ту или иную степень доверия или возможность родиться доверию. Фундаментальность чувства доверия подчеркивается лингвистами еще и тем, что понятие "верить" в некоторых языках имело первоначальное значение "выбирать". Едва ли следует говорить, что чем выше доверие, тем сильнее разочарование.

После этих лозунго-этимологических изысканий обратимся к психологии. Будем иметь в виду, что человек всегда больше тех, что мы можем о нем узнать или сказать. Но кое-что психология о человеке все же знает и говорит.

Проблема психологии доверия - это вечная проблема, имеющая отношение ко всем формам жизни, деятельности, поведения и сознания человека.

Человек в целом и любая форма его поведения могут получить сколько-нибудь вразумительное объяснение только в контексте культуры и истории данного общества. Одной из наиболее авторитетных в современную мировую науку является культурно-историческая психология, возникшая в 20-30-е годы в СССР и связанная с именем Льва Семёновича Выготского, с его последователями во многих странах мира. Культура как бы предоставляет человеку инструментари, соответствующее материальное оснащение и духовное оборудование для его поведения и деятельности. Овладевая культурой, человек одновременно овладевает собой и своим поведением, становится человеком. В идеальном случае культура, будучи репродуктивной, не препятствует творчеству.

Психологическое состояние или чувство доверия, как и многое другое в психике человека, появляется очень рано, в том нежном детском возрасте, о котором человек ничего не помнит. Именно в этом возрасте у него складываются многие человеческие (и не очень!) черты, которые он постоянно носит с собой и от которых ему трудно избавиться, скорректировать или хотя бы скрыть. Их более позднее осознание уже есть благо, так как осознание - это необходимое условие и первая ступень произвольного овладения своим состоянием, чувством, поведением. Как оптимистически писал в XVIII веке знаменитый афорист Георг Лихтенберг, "наши слабости нам уже не вредят, когда мы их знаем".

Столь раннее появление многого, что впоследствии накладывает печать на всю нашу жизнь, нередко производит впечатление генетической предопределенности. Это удобная позиция для нерасудивших родителей и воспитателей. Человек, конечно, не *tabula rasa*, скорее *terra incognita*, но постепенно многие тайны благодаря условиям психологии развития протыкываются. И в этом смысле уровень доверия повзело больше, чем многим другим чувствам, о возникновении которых известно значительно меньше. Обращение к психологии развития необходимо не только для того, чтобы датировать возникновение того или иного чувства, способности. Дело в том, что в своем еще не вполне развитом, становящемся виде они легче наблюдаемы: не утаиваются, сознательно не маскируются, с чем сплошь и рядом приходится сталкиваться при анализе поведения подростка и взрослого человека.

Мы, конечно, все родом из детства. Это было известно задолго до Зигмунда Фрейда, но детские комплексы - не индустриция от вполне взрослых пакостей. Культура или хотя бы цивилизованность усилием берутся, говаривал грузинский Сократ Мераб Мамардашвили.

Будем исходить из размышлений о доверии, которые развивал выдающийся американский психолог и психотерапевт Эрик Эриксон (он умер в 1994 году в возрасте девяноста двух лет). Создатель психоаналитической теории жизненного цикла человека, он рассматривал чувство глубоко (базисного) доверия в качестве фундаментальной психологической предпосылки всей жизни. Это чувство формируется на основании опыта первого года жизни ребенка и превращается в установку, определяющую его отношение к себе и к миру. Под "доверием" Эриксон подразумевал доверие к себе самому и чувство неизменной расположенности к себе других людей. Чувство глубокого доверия к себе, к людям, к миру - это краеугольный камень здоровой (Эриксон говорит: *витальной*, то есть жизненной) личности. У взрослых резкое снижение глубокого доверия и превалирование глубокого недоверия проявляется в форме выраженного отчуждения, характеризующего тех, кто уходит в себя, когда оказывается не в ладах с другими людьми или с самим собой. Эриксон замечает, что главная трудность психотерапевта в работе с такими людьми состоит в том, что они должны сначала "достучаться" до них и убедить, что они могут доверять нам, что мы доверим им и они могут доверять сами себе.

Эриксон, несомненно, прав, считая доверие и недоверие базисными чувствами, определяющими в дальнейшем развитие практически все основных отношений к другим людям, к себе самим и к миру в целом. Степень развития у ребенка чувства доверия зависит от качества получаемой им материнской заботы.

Чувство доверия не зависит от количества пищи или проявлений родительской нежности (а у взрослого - от словесных уверений в ней); скорее оно связано со способностью матери передать своему ребенку чувство узнаваемости, постоянства и тождества переживаний. Это очень интересное и тонкое соображение, которое не так-то легко понять. Дело ведь не только в подкреплении пищевого рефлекса, не в помощи матери в его совершенствовании в постнатальный период. Дело даже не в удовлетворении потребности, которой в настоящем смысле этого слова у младенца еще нет. У него есть объективная нужда, а не субъективная потребность, не говоря уже о мотиве. Это потом будут происходить события, о которых красноречиво говорит создатель психологической теории деятельности Алексей Николаевич Леонтьев: "Встреча потребности с предметом - акт чрезвычайный". Ведь должно быть еще построено поле - пространство взаимодействия, общения, доверия, в котором такая встреча окажется возможной.

Интересна гипотеза американского психоаналитика Д.Винникота о том, как образуется такое пространство. Ее с таким же успехом можно назвать фантазией, хотя чуткие мне подсказывает, что она весьма правдоподобна, опирается на давние представления М.К.Кляйн о хорошей и плохой груди, хорошей и плохой матери (*Good and bad breast, good and bad mother*). Она связывала с актами кормления возникновение чувств зависти и благодарности. Эриксон с ними же связывал возникновение у младенца базового чувства доверия или недоверия к миру. Винникот, как мне кажется, делает следующий шаг и предлагает более глубокую версию происходящего. Он утверждает эти понятия тогда и тогда, чтобы "удовить" поле опыта, в котором зарождаются первичные творческие акты - акты проекции того, что уже было интроецировано ранее.

Младенец, испытывая нужду (потребность?) в пище, тем или иным образом обнаруживает ее. (Способ обнаружения - например, гудение, плач - это и есть переходный феномен.) Мать, замечая это, именно в нужное время и в нужное место дает ему грудь. Благодаря этому у ребенка возникает отчетливое ощущение - иллюзия, что это именно он породил материнскую грудь. Винникот говорит, что это иллюзия его собственной магической, творческой силы и всемогущества, возникающая в результате чувствительной адаптации к подаваемым им знакам внимательной и любящей матери. Конечно, переходные феномены выступают в качестве знаков вначале только для матери. Как заметил в свое время Выготский, ребенок узнает о том, что он подает знак, последним. Так или иначе, перед матерью любой-невольной возникает дальнейшая задача - развязать эту иллюзию, поскольку она не может постоянно и безошибочно угадывать его желания.

Винникот поясняет, что этот иллюзорный мир не является еще ни внутренней реальностью, ни внешним фактом. Таковым он может стать посредством включения переходных объектов, то есть каких-либо предметов, и переходных феноменов - каких-либо действий с ними. Например, сосание пальца, рубашонки, плюшевого медвежонка - это то, посредством чего ребенок возвращает себе магический контроль над миром, сохраняет чувство всемогущества, которое первоначально возникло благодаря современному вниманию и заботе матери. Выготский описывал магическую (наивную) стадию в развитии психики ребенка, хотя относил ее к значительно более позднему возрасту. Он помещал ее вслед за стадией естественно-примитивных или самых примитивных культурных форм поведения. Локализация магической стадии в первые месяцы жизни вообще ставит под сомнение наличие натуральной, практической докультурной стадии в развитии человеческого существа. Что касается магической стадии, то она сопровождается ребенком от рождения до смерти и, видимо, служит основанием не только чувства глубокого доверия, но и поразительного ловковерия. Об этом знал замечательный русский писатель Леонид Андреев: "Человек рождается без зубов, без волос и без иллюзий. Человек скрывает в могилу без зубов, без волос и без иллюзий". Между прочим, это не только хасиды, ядвотны, но и очень точно.

Итак, младенец благодаря материнскому любовному "угадыванию" создает себе свой маленький Эдем. Он как бы по своему желанию вызывает кормление, укачивание, колыбельную... Он сам это творит, а затем перекладывает на многие другие переходные объекты, доставляемые ему взрослым, которые замещают, расширяют и обогащают созданный им мир. Конечно, в реальной жизни не все так радужно, как изображает Винникот. Если нет открытия рта, то ребенок порождает свой маленький ад, который впоследствии может стать большим Адом для других. Известный исследователь младенчества Г.Д.Розенгарт-Пунко пишет: "При отсутствии эмоционального контакта между взрослым и ребенком - ребенок безрадостен, амимичен, неподвижен, часто кричит. Все познавательные процессы у такого ребенка сосредоточиваются вокруг его собственного тела. Они заключаются в ощупывании рук и их рассматривании, в ощупывании всего тела, а затем сорочек, пеленки; деятельность ребенка заключается в сосании своего желудка и пальца. Такое состояние ребенка может затянуться на очень длительное время и тяжело отражаться как на всем его нервно-психическом развитии, так даже и на его физическом статусе".

В дальнейшем, согласно Винникоту, постепенно происходит дифференциация первично сотворенного мира и мира переходных объектов. Это начало решения бесконечного человеческого задания: "держания" внутренней и внешней реальности отдельными и в то же время взаимосвязанными и взаимодействующими. В то же время это подготовка к тому, что внешняя реальность может быть как "моей", так и "чужой" или чуждой мне.

Гипотеза (или фантазия) Винникота представляет собой еще один шаг к пониманию возникновения глубокого чувства доверия. Соответствие реальности моей собственной проекции и возникающая иллюзия порождения мира именно мной делают этот мир моим, вызывающим больше доверия, чем любой другой навязываемый мне мир, хотя объективно (что это?) последний может быть о нем много раз лучше.

Гипотеза Винникота не противоречит идеям Жана Пиаже о ребенке как исследователе, проводящем эксперименты над миром. Напротив, она дополняет представления Пиаже, снимая оппозицию внешнего и внутреннего мира. Ребенок создает некий протомир, еще не внешний и не внутренний; он не ищет, а то и другое. Термин "протомир" использован не случайно. Он - протом, поскольку еще не является предметным в подлинном смысле слова. Это зародыш будущего образа мира, некая диффузия внешнего и внутреннего. Если искать аналогию для протомира во взрослой жизни, то ближе всего на него похожи беспретенная трюнга или беспричинное эмоциональное превосходительство чего-то хорошего, что наконец произойдет.

Если продолжить фантазию Винникота, то неестрбимая способность человека к мифотворчеству возникает едва ли не в первые недели, месяцы его жизни и предвосхищает значительно позже формирующуюся восприимчивость к колдовской силе искусства. Видимо, именно протомир представляет собой не только источник возникновения глубокого чувства доверия, но и зародыш внутреннего мира человека, а может быть, и мандельштамовского понимания всего мира как проекции Я: "Я - создатель миров моих". Данные детской психологии, по крайней мере косвенно, подтверждают такое предположение.

Как следует из предположения возникновения чувства доверия, оно не рационально. Это еще не отношение к действительности, а отношение в действительности, реальное, в том числе и реально переживаемое, а не воображаемое отношение, не вымышленное, не отретроспективное чувство. Оно возникает при непосредственном контакте с матерью, в ее присутствии. Более или менее достоверно можно судить о его возникновении по "комплексу оживления" ребенка, когда у него появляется настоящая улыбка. Это происходит после трех недель жизни. До этого, по мнению психологов, связь ребенка с матерью носит по определению русского философа и психолога В.В.Зеньковского "биологический характер, но не берет тайны жизни, которой дитя встречается уже знакомое лицо матери, эта связь приобретает "моральные" - скажем шире - духовный смысл. Можно сказать, что именно с этого момента, когда просыпается способность радоваться и улыбаться, дитя начинает жить духовной жизнью".

Ситуация возникновения глубокого доверия у младенца - это ситуация общения. Замечательный детский психолог М.И.Лисина называет время с 21 дня жизни ребенка (появление первой улыбки) и примерно до конца первого полугодия золотым временем общения. Он золотой потому, что за общением еще нет никаких задних мыслей, выводов, помыслов. Оно еще не опосредовано другими потребностями и мотивами. Оно само есть все: потребность и мотив, цель, действие и страсть. Оно и является тем "чистым общением", которое осуществляется в диапазоне одних только положительных эмоций. Надо ли говорить о том, по золотому веку общения, которая сопровождает, к сожалению, слишком многих людей всю их дальнейшую сознательную жизнь.

Как показали исследования американского психолога Ф.Салпантеама, у младенцев до 5-6-летнего возраста внешний контур оказывает влияние на формирование улыбки. Глаз фиксируется только на контуре и лишь изредка проходит внутрь человеческого лица, пересекая его. Младенец этого возраста смотрит на лицо как парикмахер, оценивающий прическу, и отчетливо выделяет наиболее информативные признаки внешнего контура. Но уже в двухмесячном возрасте ребенок пренебрегает внешним контуром и фиксирует глаз в самых выразительные внутренние детали человеческого лица - глаза и губы. Внутреннее - в двух смыслах этого слова: оно внутри контура и выражает внутреннее состояние человека. Известно, что в этом же возрасте младенец может длительное время фиксировать светящийся предмет. Возможно, его привлекает блеск глаз или "сверкающий свет взглядов".

Не нужно большого воображения, чтобы предположить, что дитя всматривается в "зеркало души", каким, несомненно, являются глаза, а по мнению некоторых, и губы. Дитя именно всматривается, то есть не только впитывает в себя взрослую человеческую душу, но и ищет свое место или свое отражение в ней. Если он находит себя, то это способствует возникновению и укреплению чувства глубокого доверия.

"Однажды... я пережил встречу перекрестными взорами и ощущение, что меня взор пронизывает насковы, до самых сокровенных тайников моего существа. И это был взор приблизительно двухмесячного ребенка, моего сына Васи. Я взял его ранним утром поблажить полуночного. Он открыл глаза и смотрел некоторое время прямо мне в глаза сознательно, как ни он, ни кто другой в моей памяти; правильнее сказать, это был взгляд сверхсознательный, ибо Васинными глазами смотрело на меня не его маленькое, несформированное сознание, а какое-то высшее сознание, большее меня, и его самого, и всех нас, из неведомых глубин бытия. А потом все произошло и передо мной снова были глаза двухмесячного ребенка".
 Отец Павел Флоренский

Очень важно, чтобы чувство доверия сохранялось и в отсутствии непосредственного контакта. Согласно Эриксону, "доверие включается в себя не только то, что некто научается надеяться, полагаться на тех, кто явно обеспечивает его жизнь, но и доверие к самому себе, веру в способность своих собственных органов справиться с побуждениями. Такой человек способен чувствовать себя настолько полным доверия, что обеспечиваящую его жизнь окружающие не должны постоянно стоять при нем на часах".

Неадекватность, несостоятельность матери и отвергание ею ребенка - причины первого серьезного кризиса детского развития. Его следствие - уже не просто недоверие, а появление установок страха, подозрительности, опасений за свое благополучие. Такая установка распространяется как на мир в целом, так и на отдельных людей, она будет проявляться во всей полноте на более поздних стадиях психического и личностного развития. Эриксон пишет, что чувство недоверия может усилиться, когда родители придерживаются противоположных принципов и методов воспитания или чувствуют себя неуверенно в роли родителей или их система ценностей находится в противоречии с общепринятым в данной культуре стилем жизни. Все это может создавать для ребенка атмосферу неопределенности, двусмысленности, в результате у него возникает и растет чувство недоверия. Согласно Эриксону, поведенческими последствиями подобного неблагоприятного развития являются острая депрессия у младенцев и паранойя у взрослых.

Конечно, далеко не все недоверчивые люди имеют такие мрачные перспективы. Но у всех нас остаются такие поверхностные, либо глубокие следы недоверия в тех пор, как мы узнали, что достаь звезду с неба папа все-таки не может. Глубокие следы или рубцы связаны с болезненным, унижающим опытом отказов, предательства и лжи взрослых. Разрушенное общение - это мука, отчаяние, страх, это полная потеря доверия к себе.

Существенное положение психоаналитической теории Эриксона состоит в том, что кризис "доверие-недоверие" не всегда находит полное разрешение в течение первого или второго года жизни. Дилемма "доверие-недоверие" будет проявляться снова и снова на каждой последующей стадии развития, включая стадии ранней, средней и поздней зрелости, хотя эта дилемма - центральная для периода младенчества. Благополучное разрешение кризиса доверия имеет важные последствия для развития личности ребенка в дальнейшем. Более того, укрепление доверия к матери дает ребенку возможность перенести состояние недоверия, которые он неизменно будет переживать на протяжении следующих, порой драматических стадий своего развития.

Согласно Эриксону, здоровое развитие младенца не является результатом исключительно чувства доверия, но скорее обусловлено благоприятным соотношением доверия и недоверия. Понять, чему не следует доверять, так же важно, как и понять, чему доверять необходимо.

Хотя в разных культурах и социальных классах учат доверию и недоверию по-разному, путь приобретения базисного доверия по самой своей сути универсален: человек доверяет своему подобно тому, как он доверяет собственной матери, следовательно, вот-вот вернется и накормит его в подходящее время подходящей пищей. Если же этого не происходит, то неизбежно возникает чувство страха, подозрительности, мрачные предчувствия по отношению к людям и к миру в целом, то есть весь комплекс недоверия, подобный тому, который формируется у маленького ребенка благодаря несостоятельному или отвергающему стилю материнского воспитания.

В случае положительного разрешения конфликта "доверие-недоверие" формируется психологическое качество, которое Эриксон обозначает термином *доверие*. Младенческая или детская надежда может переходить во взрослую веру, в том числе, конечно, и в религиозную, в веру в идолов, кумиров, истуканов, но это уже другая сказка...

Чувства доверия-недоверия, раз возникнув, переживаются ребенком и дают начало не только надежде, но и многим другим чувствам. Можно согласиться с Выготским, что переживание представляет собой действительно динамическую единицу сознания. В нем представлены и среда - то, что переживается, - и то, как я переживаю, то есть все особенности личности.

Не менее драматичным, чем начало возникновения доверия, может быть его закат, когда человек под влиянием внешних или внутренних обстоятельств утрачивает веру в себя, в свои силы. Говоря терминами Эриксона, человек утрачивает с трудом достигнутое сознание собственной идентичности, ощущение непрерывности и целостности жизни. Как показывают социологические данные, такая ситуация очень трудна для пожилых людей: количество тех, кто "ждет завтрашнего дня со страхом и пессимизмом", по данным социальных психологов В.Собкина и П.Писарского, растет с возрастом и к шестидесяти годам достигает 42 процентов.

Чувства базисного доверия-недоверия готовят почву для достижения ребенком определенной автономии от взрослого, выделения ребенка из совокупного со взрослым Я и начала формирования собственного Я, которому предстоит долгая эволюция, кризисы, экзистенциальные вопросы о смысле жизни. Эти же чувства являются основой формирующегося самоконтроля, самосознания, управления, управления собой и, как это ни покажется странным или парадоксальным, управления другими.

Управление - первая исходная форма человеческой деятельности. Младенец еще не овладел языком, не овладел своими руками и ногами и тем не менее эффективно управляет родителями, особенно успешно - бабушками и дедушками. Любящая мама уже к исходу третьего-четвертого месяца жизни ребенка командует более десяти видов звуков, каждый из которых представляет собой просьбу, приказ, знак состояния, в котором находится младенец, и спешит удовлетворить его желания. И это удовлетворение формирует и подкрепляет не только чувство глубокого доверия, но и привычку, и некоторые навыки управления. Замечу, что есть "счастливычки", которые доживают до седых волос и не осваивают никакой другой формы деятельности - ни игровой, ни учебной, ни трудовой...

Существует огромная дистанция от иррационального базисного чувства доверия до его осознания, рационализации. Правда, только последняя никогда не бывает, как не бывает полного знания всех обстоятельств в ситуации принятия решения. Замечу также, что мы так устроены, что иррациональное доверие-недоверие нам кажется ничуть не менее убедительным, подлинным, чем рациональное. Хотя его основания мы не можем объяснить даже сами себе.

Самое общее условие осуществления психологического механизма доверия - оценка ситуации и собственных возможностей, сил, мотивов с точки зрения его выполнимости. И та и другая оценка должна быть достоверной, не вызывать сомнений, способствовать минимизации риска.

Сомнения, колебания равны ошибке, катастрофе. Гениальное, но несвоевременное решение и действие превращаются в шибко. "Дорого янчик к Христову дню" - это по поводу действия. Еще один классик: "Сегодня - рано, а завтра - поздно". Это бесконечный сюжет о психологии решения проблем и принятия решений. Эти два процесса не следует смешивать. Они должны идти именно в такой последовательности. Если она меняется, то самоверно реализованное решение, получившее ходячее название "без проблем", возвращает нас к проблеме. Но теперь уже не она стоит перед нами, а мы стоим перед ней (часто на коленях).

Во всем этом проглядывают объективные и субъективные сложности. К первым относятся сложность ситуации, неполнота, недостоверность информации о ней, часто нарочито ложная информация, которая цинично и вместе с тем убедительно выдается за правду. (В нашем Отечестве эксплуатация стремление к правде (но не к истине), которое даже признается (я бы добавил: в сочетании с левскуверием) отличительной чертой русского национального характера.) Вспомним "Русскую Правду" Киевской Руси, ее же у декабриста Пестеля, нашу несобвенную ленинскую "Правду", которая рождалась почкованием, кажется, до семи или более вариантов. Ее классический вариант Мандельштам назвал "жесткой партийной девственницей - Правдой-Партией".

К субъективным множествам относятся недостаток времени, отсутствие прецедентов, опыта, реальные и мнимые сомнения в правильности оценки ситуации, а соответственно, и принятого решения, сомнения в оценке собственных возможностей действия в ситуации... Весь этот клубок сомнений (как сказал поэт, "сомнений предполох") оказывается в душе неуверенного человека, который, как, впрочем, и самоуверенный, попадает в ситуацию риска и негарантированного успеха. И здесь недостаток или избыток доверия к себе, к миру, к людям может привести к успеху или оказать дурное услугу.

В последнем случае люди более склонны винить не себя, а обстоятельства и плохо извлекают уроки из своих неудач. Мы похожи на своего историка, которая винит только того, что она никому не учит. Признание своих ошибок, а тем более уныть требуют мужества. Разумеется, неудачи приводят и к более печальным последствиям, когда недоверие к себе трансформируется в неверие в себе, вызывает чувства стыда, унижения, озлобления, гнева, зависти, ревности... Чувство доверия трансформируется в стену недоверия, которой человек отгораживается от мира, замыкается в себе.

Успех тоже не безобиден. Он порождает "затылку уверенности", самонимение, самолюбование, не только законную гордость, но и гордыню, которая, согласно христианской этике, есть "матер всех зол". К несчастью, это подтвердила практика большевикам, согласно "этике" которого "человек - это звучит гордо". Только звучит!

Все сказанное относится к любым формам человеческой деятельности и к любому этапу человеческого развития. Иное дело, что масштабы, результаты и последствия этой деятельности могут быть несоизмеримыми. Поэтому мы говорим о субъекте деятельности, о ее субъективности, о субъективных факторах, которые ее определяют в не меньшей, если не в большей степени, чем объективные условия и обстоятельства ее протекания. Глубоко прав был великий мыслитель А.А.Ухтомский, когда говорил, что субъективное не менее объективно, чем так называемое объективное.

Сознание человека не в меньшей степени определяет его бытие, чем бытие определяет его сознание. Есть единый континуум бытия-сознания: осознанное бытие, бытийное осознание. В этом едином континууме далеко не все поддается вербализации и рационализации. Однако каждому на своем собственном опыте приходится убеждаться в том, что смутные нерациональные предчувствия и чувства оказываются более верными, чем после их рационализации. Люди часто сетуют по поводу того, что не доверялись первому чувству. Конечно, бывает и наоборот.

Так или иначе, но чувства доверия-недоверия, как и большинство человеческих чувств, выполняют позитивную функцию эмоционального превосходшиения тех или иных жизненных событий. Доверие - это аффективное превосходшиение и оценка смысла событий. Оно, конечно, не исключает, когда есть время, его интеллектуальной проработки. Способность прислушаться к себе, довериться своим чувствам свойственна далеко не всем, поэтому многие люди неоднократно наступают на одни и те же грабли.

Субъект деятельности - живой человек, обладающий богатым спектром эмоций, чувств, аффектов, среди которых чувства доверия-недоверия при всей их важности занимают все же достаточно скромное место. Помимо страстей человеческих, в жизни присутствуют интеллект, пылливое философское сомнение, воля, характер, сознание, личность, душа и дух, наконец. Если они не утрачены, то с их помощью нам удается преодолеть, хотя бы временно, свою избыточную доверчивость или недоверчивость и делать многое другое. Разговор о них полезерен, а но увел бы нас далеко за пределы обозначенной темы, которая и сама по себе неисчерпаема.

Доверие может рассматриваться в рамках нашей собственной психической сферы и не выходить за ее пределы в деятельность, в межличностные отношения. Мы с удовольствием грешим на свою память, кокетничая ее слабостями (сравните: Мына Дарсанская: "Склероз нельзя вылечить, но о нем можно забыть"). Однако нам трудно даже самим себе признать в слабостях своего интеллекта. Мы скрываем от других, а часто и от самих себя свои подлинные желания, увиливаем от совести... Психологики давно исследуют и обсуждают истоки и причины такого хорошо известного всем по поводу опыту вида недоверия, как недоверие между поэтами. Всем знакомая атмосфера подозрительности чаще всего явно никак не связана с личностью партнера, а скорее с силой страстей и трудностью контроля над ними, с боязнью потерять себя в другом человеке, с неразрешенными конфликтами детства.

В наш большое общество быстрее, чем позволяет наличный профессионализм, проникает психотерапия, которая требует доверия в такой же, если не в большей степени, как и социально-экономическая сфера.

Прислушаемся к рекомендации корифея - Карла Юнга, который в своем из своей практике: "Надо не просто изучать, но прежде всего всматриваться в зовек собственную натуру", осмысливать свои собственные ошибки и поражения. Такой совет легко дать, но трудно выполнить. Гете писал, что действие движется перед наблюдателем и крепко привязывает его к происходящему. Это значит, что смотреть на себя как бы со стороны во время ожесточенного действия затруднительно. Но именно во "взгляде со стороны" на мир или на себя заключена тайна возникновения доверия-недоверия. Другими словами, эта тайна заключена во взаимоотношениях, возникающих внутри системы "Я - второе Я", существующих в рамках единой личности.

КАК МЫ ВОСПИТЫВАЕМ... | *шалва амонашвили*

Их пять - моих внуков и внучек. Все они - мои друзья. Мы создали наше братство, основной закон которого гласит: мне для тебя ничего не жалко, нам для других ничего не жалко.

Старшей Нине - тринадцать лет. Она танцует и поет в ансамбле "Басти-Бубу". Это самый популярный в Грузии детский ансамбль. Вместе с отцом Нина ведет телепередачи о защите прав детей. Вся Грузия узнает Нину на экране, но ее скромность, чуткий и непосредственный нрав от этого не страдают. Сейчас отец Нины пробует себя в литературном творчестве, пишет рассказы, а дочка становится почти что соавтором.

За Ниной следует Александр. Ему 11 лет. Он живет и учится в Москве. Много и увлеченно читает. В детстве я тоже любил читать, но Сандрик (так мы дома зовем его) далеко превзошел меня. Часами сидит он, склонившись над разными энциклопедиями, и знает то, чего не знают многие взрослые. Два года он сопротивлялся, не хотел ходить на музыку, но потом влюбился в свою скрипку. В школе мучился из-за математики. Но вот пришел новый учитель, стал давать Сандрику задачи повышенной сложности. И он полюбил математику. А, может быть, - учителя.

Мариади - того же возраста, что и Сандрик. Живет в Тбилиси, рисует с четырех лет. Несколько раз устраивались ее персональные выставки. Репродукции ее картин напечатаны в настенных календарях, журналах Турции, Японии, Германии... Мариади поет, играет на фортепьяно, свободно говорит на русском и английском. Серьезная, вдумчивая девочка, с чувством долга и ответственности.

Михаилу - десять лет. Живет и учится в Москве, в одной школе с Сандриком. Мальчик с удивительным чувством юмора. Неугомонный, опасный шалун. Любит ставить опасные опыты и почему-то "случайно" многое получается у него не так, как у всех. Не любит музыку, не обожает школу. Но любит играть в шахматы со мной. Наделен чувством сострадания, Мике действительно ничего не жалко для других, такая широкая натура. "Нельзя" и опасность для него не существуют.

Наконец, Анна, Аника - ей десять лет. Учится в Тбилиси. Когда вместе с дедушкой сопровождала сестренку Мариади в шахматную школу, наблюдала, как играют, а с четырехлетнего возраста вдруг сама начала играть в шахматы, да так, что удивляла опытных игроков. Вскоре стала участвовать в турнирах, побеждать в республиканских соревнованиях. Сейчас играет со старшими мальчиками. Я боюсь с ней играть, ничего не получится. Рисует тоже прекрасно, поет, играет на фортепьяно...

Вот наступит лето и мы все поедem в нашу прекрасную деревню Бушети, что расположена в горах Кахетии. Наш большой двор будет кипеть от моих внуков. Не будет от них покоя... Вот так они ускоряют вокруг себя время, перетягивают в будущее сегодняшний день...

- Мик, Сандрик, - спрашивают сегодня, что мне написать в журнал "Педагогика - новый век" - кем вы будете через двадцать лет?

-Пиши, что хочешь, дедушка! Мы не знаем пока...

Они сами еще не знают, так как же мне разгадать их будущее?

Я знаю лишь одно: если мы их пойдем, если сохраним для них мирную жизнь, то они будут творить нам радость и будущее у детей будет замечательным.

Лишь бы мы их поняли... |

ЧТО ВАШ РЕБЕНОК ВИДИТ, ОЩУЩАЕТ И ПЕРЕЖИВАЕТ

дэниэл стерн

- доктор медицины, профессор психологии Женевского университета. Отец пятерых детей, младшему на момент написания книги было два года, старшему - двадцать шесть лет.

Что происходит в голове у малыша, когда он пристально вглядывается в наше лицо или рассматривает нечто простое, такое как пятно солнечного света на стене или столбики своей кровати? Как чувствует он себя: когда голоден? когда он сыт? когда вы играете с ним лицом к лицу?

Я размышлял об этих вопросах и искал ответы на них более двадцати лет. Первоначально внутренняя жизнь малыша была для меня прежде всего интеллектуальной проблемой, которую следовало решить. Но постепенно я начал понимать, что мой интерес вытекает из чего-то большего, чем простое любопытство. Меня увлек поиск первоначал, исследование самой сущности человеческой природы. Все мы были когда-то младенцами. И у каждого из нас есть свои представления о младенчестве вообще и о конкретных младенцах. Ни один из нас не может находиться рядом с ребенком, заботиться о нем или изучать его, не приписывая ему или ей каких-либо мыслей, чувств и желаний. В присутствии младенца мы просто вынуждены изобретать его внутренний мир.

Повсеместность и универсальность потребности взрослого человека воображать внутреннюю жизнь ребенка становились для меня все яснее по мере наблюдения за родителями и их малышами. Я постоянно слышал, как, обращаясь к детям, взрослые говорили почти не задумываясь: "Тебе ведь это нравится, да?", "В конце концов ты захотел зеленую", "Ты очень спешишь, не так ли?", "Теперь тебе лучше, правда ведь?"

Большинству родителей важно знать, что происходит в головке малыша в те или иные моменты - например, когда она или он голоден, или пристально и неподвижно куда-то смотрит, или вдруг начинает капризничать прямо в середине игры. В такие моменты мы пытаемся как бы проникнуть под кожу ребенка, забраться в его или ее головку и действовать так, как будто у него есть ясное представление о том, что происходит. А когда не получается определить, что переживает малыш, мы просто стараемся угадать, а это неизбежно несет на себе печать нашего видения мира. Если в плаче младенца нам слышится гнев, скорее всего мы сами склонны реагировать гневом или чувством вины. Если же плач нашего ребенка говорит нам только то, что ему плохо, это может означать, что мы способны легко и непосредственно сочувствовать другим. В значительной степени реакции взрослых определяются тем, как с нами обращались, когда мы были детьми, они зависят от интерпретаций наших чувств и поведения нашими собственными родителями.

Родители по необходимости ведут непрерывную летопись того, как, по их мнению, чувствует себя малыш, что он делает. Они составляют непрерывную биографию ребенка и постоянно к ней обращаются. В своей клинической практике я наблюдаю поразительные свидетельства не только того, как сильно родительские истолкования влияют на ребенка, но и того, насколько мощна потребность родителей изобретать внутренний мир малыша.

"Он совсем такой же, как и его дед - сильный и спокойный". "Когда-нибудь он станет знаменитым и разбогатеет, и судьба нашей семьи, наконец, переменится". "Она так активна и на все откликается, совсем не как я". "Я надеюсь, он не будет таким пугливым, каким был я в свое время". "У него есть очарование его отца". Эти высказывания, вытекающие из прошлого или настоящего самих родителей, отражают их глубинные желания, страхи и надежды. Такого рода истолкования создает каждый из нас, хотя в случае противоречий между родительской фантазией о ребенке и тем, что испытывает ребенок на самом деле, могут возникать серьезные психологические проблемы...

Я создал личный дневник младенца по имени Джой не только для того, чтобы просветить родителей по поводу внутренней жизни их малышей. Дневник - это и исследовательская стратегия, которая помогла мне построить гипотезы психологии восприятия, эмоций и памяти младенцев, гипотезы того, как малыш переживает собственное развитие и свое прошлое.

Дневник состоит отчасти из размышлений, отчасти из воображения, отчасти из фактов, причем и то, и другое, и третье вытекает из знаний о младенцах. За последние десятилетия произошла настоящая революция в научном исследовании маленьких детей. Фактически результатов систематических наблюдений за первыми двумя годами жизни человека больше, чем за каким-либо другим периодом. Часть этой информации была получена в моих исследованиях; большая же часть добыта учеными со всех концов света.

Структура дневника основывается на резких скачках, которые происходят в развитии младенца. Каждый скачок продвигает малыша вперед и как бы дарит ему новый, более сложный мир опыта. Я дал возможность Джою как бы прочертить траекторию своего развития через пять последовательных миров: от раннего младенчества к тому моменту, когда он, в четыре года, уже готов сделать следующий шаг вперед и сочинить свою собственную историю. |

В третьем номере нашего журнала читайте "Дневник младенца" Даниэла Стерна

**УРОК ДЛЯ
УЧЕНИКОВ
ВОЛШЕБНИКА***наталья дятко**- выпускница Московского университета, практический детский психолог. Любит детей и своих, и чужих. В Троицке, подмосковном академгородке, она возглавляет филиал центра помощи подросткам "Генезис". "Сельский врач" - всегда доступна для страждущего и физически, и эмоционально.*

На вопрос "Что ты сейчас чувствуешь?" они обычно отвечают что-нибудь вроде: "Я думаю, что Валя не права". Русские дети вообще не осознают свои чувства. Об этом впервые говорил лет десять назад министр образования Геннадий Ягодин. Он тогда с горечью рассказывал об итогах сравнительного исследования русских и американских детей: насколько русские первоклашки превосходили американских ровесников интеллектуально, настолько же они были "темны" и не образованы в области понимания собственных чувств и потребностей, не могли найти слов и способов их точно выразить.

Нет ничего удивительного в том, что взрослые, родители и воспитатели, которым в годы их взросления говорили лишь о "чувстве глубокого удовлетворения" или "чувстве долга", и сейчас не понимают, что значит осознавать свои чувства, уметь их выражать. За последние десять лет в школе появились психологи, рынок психологической литературы для родителей переполнен книгами о воспитании, но дети по-прежнему путают свои чувства, действия, мысли, свои ощущения, а родители по-прежнему не понимают, что детей нужно учить узнавать свои чувства по именам.

У замечательной писательницы в стиле "фэнтези" Урсулы Ле Гуин есть сказка "Волшебник Земноморья". В ней подробно описана "методика" приобретения учениками волшебной академии власти над душами растений, животных, камней. Юные волшебники, месяцами не выходя из библиотеки, заучивают списки из тысяч и тысяч слов - списки тайных имен. У каждого камня, каждого цветка, каждого зверя, помимо общеизвестного и научного названий, есть тайное имя. Знание его дает силу чародеям. Заметьте: не одно заклинание на все случаи жизни, все предельно индивидуально в этой сказке! Примерно тот же подход действует, когда мы имеем дело со своими чувствами.

Чувства даны человеку, потому что он человек. Нет ни одного чувства "грязного" или "глупого". Таковыми бывают только наши поступки. Ответственность за них возможно воспитать, только когда ребенок хорошо понимает разницу между поступком и вызвавшим его чувством. Можно чувствовать злость, негодование и даже ярость, но только признав эти чувства, можно остановить свое агрессивное поведение. Известно, что на определенные чувства в нашей культуре существует негласный запрет: нельзя сердиться на маму, мальчикам нельзя испытывать страх, слабость, тем более демонстрировать их с помощью слез. Не только очень плохо себя ведут, но и часто болеют дети, в семьях которых существует запрет на отрицательные эмоции.

Именно поэтому, подобно ученикам волшебника, дети вместе с психологом или учителем начальной школы, любым взрослым могут найти "тайные имена" своих чувств, ведь названия эмоций в нашей культуре отнюдь не являются расхожими, часто употребляемыми понятиями.

Очень важно научиться по "ключам" определять, что же я сейчас чувствую. "Ключи" - реакции нашего тела. Сашенька говорит: "Когда я тревожусь, у меня потеют ладошки, а когда боюсь - по щекам пробегают мурашки". Света продолжает: "А у меня мурашки на спине когда я волнуюсь, а когда боюсь - в животе бабочки крылышками щекотятся". И они всерьез обсуждают разницу между "волнуюсь" и "тревожусь".

Затем хорошо бы выучить как можно больше "тайных имен" своих переживаний, научиться различать оттенки и силу чувства. Это важно и для подростков, которые часто все сильные эмоции (а у них другие и не водятся) называют восклицаниями "чума!" или "...от блин".

Наконец, **главное**. Существует на свете Великий Закон. Прежде его знали тибетские монахи и йоги, теперь им владеют психотерапевты и некоторые мамы: **чем больше силишься запретить какому-то чувству быть, тем больше оно увеличивается в размерах**. Я запрещаю себе сердиться на этого человека, терплю, но от напряжения и недовольства собой количество гнева так разрастается во мне, что я могу лопнуть или взорваться от негодования. Запрещаю себе смеяться - начинаю прыскать от смеха. Делаю вид, что ничего не чувствую, а сила этого чувства лишь возрастает (это относится даже к чувству боли).

Есть только один способ подчинить чувство: **опознать его, разрешить ему быть**. На этом законе построено "я-высказывание" - сообщение от первого лица единственного числа о том, что человек чувствует. Иногда такие высказывания называют "волшебными заклинаниями". Их важно использовать, когда чувства переполняют тебя.

Чтобы научить детей не бояться говорить о своих чувствах, сначала нужно самому научиться это делать.

Опишите сначала обстоятельства, при которых возникало чувство: "Когда я увидела, что ты ешь немытое яблоко..."

Назовите, что вы почувствовали: "...Я встревожилась".

Разъясните: "...встревожилась, наверное, потому, что подумала: если заболит живот, мы не сможем завтра отправиться в цирк. А ведь мы ждем этого уже две недели".

Пока мы подбираем точное название чувства "со знаком минус", оно тает. Возмущение превращается в недоумение. Негодование - в тревогу. Тревога - в удивление: "Когда я увидела твою двойку по пению, я удивилась и подумала: как же мальчик с таким хорошим голосом, как у тебя, мог так расстроить учительницу?" "Когда ты перебиваешь мое объяснение, я раздражаюсь. Наверное, это из-за того, что теряю мысль. Пожалуйста, перестань это делать".

Дети, приученные говорить о своих чувствах, быстро перенимают эту ответственную и честную форму общения.

"Мама, когда ты так громко кричишь на меня, я очень сильно пугаюсь и перестаю соображать. Пожалуйста, не кричи больше".

Танечка, 6,5 лет

"Толик, когда ты списываешь у меня, я сержусь, наверное, потому, что мне не нравится, что ты не спрашиваешь у меня разрешения".

Света, 10 лет |

ПРАВИЛА БЕСПОРЯДКА

ром Харре - известный методолог социальных наук, профессор Оксфордского университета, один из самых ярких исследователей социальной психологии и психологии личности. Среди фигур, которые в психологии XX века оказали на него особое влияние, Ром Харре называет основателя культурно-исторической психологии Льва Семёновича Выготского.

Большинство современных исследователей смотрят на детей и подростков, как антропологи на первобытное племя в чаще дикого леса, говорящее на странном языке и непонятно чем руководствующее в своих поступках. Прежде существовал другой - классический - подход, когда взрослое понимание мира проецировалось на мысли, слова и поступки детей. Однако не вся детская или подростковая активность может быть понята таким образом.

Мы живем во многих мирах, многих субкультурах. И у каждого из этих миров - свой Порядок. Стоит нам осознать, что множественность миров - это норма, а не исключение, стоит понять, что предстает об одной объективной реальности для всех - это миф взрослого сообщества... и перед нами откроются пути к пониманию миров с мифы Порядками, мира детской и подростковой субкультур. Этому учит этногеника Рома Харре.

Этногенический подход, в котором источник представлений о мыслях и поступках детей - сам мир детства, позволяет увидеть в поведении детей то, что обычно остается нераспознанным в традиционной детской психологии и педагогике.

Другая реальность

Школьный двор и футбольная трибуна давно считаются местами, где неизбежно нарушается "цивилизованный порядок". В образе мира взрослых школы и футбольные трибуны - олот анархии и беспорядка. Именно эти "особые территории" привели к рождению представлений о социальной агрессии подростков, ущемляющей Порядок мира взрослых. Порядок осуществляют учителя, полиция и в незначительной степени родители, все те, кого можно считать носителями социальных правил и норм. Однако "официальные" формы Порядка не кажутся естественными тем, чья индивидуальность все время подается, тем, кто постоянно наталкивается на безличное отношение к себе и своим проблемам, тем, кто считает, что для них нет места в обществе, для поддержания которого и существует этот Порядок. Если подростки не являются значимыми для общества, то их поведение строится так, чтобы с помощью доступных средств сделать свою жизнь значимой, имеющей смысл. С особой остротой свои, порой совсем разные Порядки диктуют подростку миры семьи и школы.

В школе тон задает учитель, он определяет стиль обучения, структуру уроков, организационные принципы. В семье, как и в классе, существует тот, кто играет доминирующую роль. Чаще всего это мать. С ней связываются в сознании подростка пути к достижениям и привилегиям. Однако в семье привилегии соотносятся с тем, что человеку необходимо. В школе же получение чего-либо зависит не от потребностей, а от достижений и заслуг. Таким образом, условием получения благ является демонстрация подростком своей готовности включиться в Порядок школьной жизни. В результате часто Порядок семьи и Порядок школы вступают в конфликт, болезненно ощущаемый ребенком. Не все ученики легко переносят переключение с одной системы отношений на другую. Известный социолог Парсонс считает, что в классе дети соприкасаются с высшим социальным Порядком, Порядком взрослого сообщества, а школа же выступает как модель рынка труда реальной жизни.

Однако в сознании взрослого человека понимание жизни в школе сливается с пониманием другой реальности - жизни на игровых площадках. Это особая субкультура, особый мир, принципы существования которого понятны для детей. Они его строят, в нем живут. Это мир особого рода договоров и соглашений, мир с помощью ритуалов контролирующей настоящее и будущее.

Любое общество включает в себя некоторое количество микросоциумов, в каждом из которых свои особые способы, придающие значение действиям. Эти способы вовсе не универсальны и лишь незначительно пересекаются в пространстве взрослой культуры. Значение, которое придается одним и тем же действиям членами различных социальных групп, может быть различным. Ясно, что правила и ритуалы, провозглашаемые членами доминирующих групп общества, более очевидны, в то время как правила и ритуалы более мелких социумов распознаются с трудом и не всеми приняты. В результате представителям разных социальных сообществ трудно контактируют между собой.

Можно определить правила Порядка как "внешние", когда они созданы членами доминирующих групп по отношению к действиям микросоциумов, и как "внутренние", когда они определяются членами микросоциума по отношению к своим действиям.

Внешние правила принимают две формы. Действия членов микросоциума объявляются лишенными смысла. Например, жильцы дома описывают группу подростков, которые собираются во дворе дома, как "кричащих и визжащих" молодых людей. Однако никто из жильцов не сможет сказать, что именно они кричат. Улавливается только внешняя форма, то есть все "высказывания" подростков просто относятся к категории "неприятного шума".

Другая форма: активность членов микросоциума объясняется лишь следствием импульсов "нижнего порядка". Согласно этим общепринятым правилам, например, взрослые видят подростков способными лишь на нечто примитивное и никак не способными, например, на возвышенную любовь.

Таким образом, существуют две различные системы понятий - общепринятая и внутренняя, специфическая для рассматриваемого микросоциума.) - две разные системы понятий и объяснения. Увы, но жизнь, надежды, желания, потребности, идеалы иной социальной группы становятся все менее и менее понятными, все более и более смутными и глупыми для представителей другой группы общепринятого Порядка. В результате подростки, по-особому проявившие и выдлившие себя в своей группе наделаются всевозможными неслетными характеристиками и становятся, таким образом, носителями Беспорядка и анархии. А это делает возможность остальным членам сообщества сознать себя носителями идеи Порядка, дает им комфортное чувство правильности и одобряемости.

В основе взаимного непонимания часто лежит контраст между внутренней и внешней моделями поведения, когда поведение, отличающееся от общепринятого, приходится в столкновение с установившимися обывательскими правилами. Разрушения, бессмысленные футбольными болельщиками, например, могут быть поняты как "прозвоненное хулиганство" и как результат всплеска благородных эмоций.

В ходе исследования возникает ряд вопросов. Прежде всего: что такое правило, норма? Правило - это то, что принимается всеми членами группы и становится обязательным. Это - не абстракция. Такие правила действуют. С ними считаются даже самые буйные футбольные болельщики и школьные заводилы.

Однако правило задает лишь потенциальную возможность поступать определенным образом. Интересны для изучения как раз те случаи, когда правила нарушаются.

Школьный порядок

Дети, настроенные на достижение успеха в обучении, чувствуют себя достаточно комфортно в регламентированной расписанием школьной атмосфере. Однако школа не адаптирована к альтернативным, неакадемическим нуждам своих учеников, а также к тому, что они, ученики, "тоже люди", и личность каждого нуждается в уважении.

Порядок признается учениками, которые хотя и пренебрегают в школьной жизни. "Неакадемически ориентированные" ученики не очень интересуются им. Для них школа представляется пустой тратой времени. Это часть их жизни, но это не то, к чему они относятся серьезно. Выучивание чего-либо для них лишь выполнение конвенциональных норм, ритуала, без попытки понять его значение. Иногда они чувствуют, что вычеркнуты из жизни, что к ним не относится как к личности те, что является для них олицетворением Школы и ее Порядка. Таким образом, для очень многих учеников школа лишь неприятный эпизод, не имеющий никакого отношения к реальной жизни. К 16 годам, а то и раньше, такие ученики стремятся реализовать себя иными способами.

Проблема состоит не в том, что такие ученики бросают школу при первой же возможности, а в том, что школа сама постепенно "отторгает" их. Для носителей официальной школьной теории такие дети обесцениваются как люди, и все, что случается с ними в дальнейшем, служит лишь подтверждением их неспособности к "нормальному" учению.

Любое действие учителя, которое воспринимается учеником как посягательство на его личностную свободу, встречает сопротивление. Ученики считают, что они не должны пассивно воспринимать ни одну дисциплинарную акцию учителя просто потому, что они ученики. "Ученики" - более широкое социальное понятие, не ограничивающееся рамками школы, и подростки считают себя обязанными поддержать свою самооценку как членов этого "ученического сообщества", активно реагируя на то, что квалифицируется как "оскорбление".

Одной из основных особенностей любого конфликта в классе является то, что этот конфликт включает в себя "оскорбление", реакцию на него и ответную реакцию учителя, которая интерпретируется в соответствующем ключе. Для начала достаточно небольшой провокации.

Характерная черта двенадцати - пятнадцатилетних школьников - оценка себя как людей независимых, благородных и, следовательно, нуждающихся в уважении к себе и в признании определенном социальном статусе. Они чрезвычайно чувствительны ко всему, что может быть воспринято как посягательство на этот статус. Они говорят об учителях, не понимающих своих учеников: "Они слишком строгие, нетерпимые, жестокие. Постоянно ставят на место, одергивают по мелочам. Они ведут себя так, как будто никогда не были молодыми и не делали того, что делаем мы". Отмечают неспособность взрослых выйти за рамки социальной роли учителя. "Они как передатчики информации - и ничего больше".

"Вообще-то они понимают тебя - так кажется, - но они на работе "от звонка до звонка". После работы они о тебе забывают".

"Деперсонализирующее" отношение к ученикам, обезличивает их. Обращение по имени значит для них очень много. Оно необходимо для взросления из социальной среды. Поэтому любые акты обезличивания оскорбительны. Взрослый человек может понять и извинить, если его имя забыли или неточно назвали, но не подросток. (В следующем номере нашего журнала пойдет разговор о роли имени играет в судьбе человека. - Ред

Безвольных, слишком мягких учителей подростки считают одними из самых плохих. "Оскорбление" в этом случае основано на контрасте. Реальная мягкость контрастирует с ожидаемой строгостью. И изготавившиеся к бою ученики чувствуют себя разочарованными и обманутыми. Их оскорбляет также сравнение со старшими братьями и сестрами, которые уже зарекомендовали себя в школе как хулиганы: "Что от него ждать, если его старший брат..."

Еще одна школьная проблема - скука. Несмотря на огромное количество обязанностей часто отсутствует интерес к занятию, им вызвано бы действительный интерес у ребят Им скучно в школе, им "никуда пойти". Они отзываются об этом следующим образом: "Да, у нас есть молодежный клуб, но мы не любим его... Я ненавижу это место... Сюда приходит все... Они тоже ненавидят его, но оно как магнит. Притягивает тебя... Неудивительно, что, например, употребление спиртного (дома, если родители ушли, или же нелегально в клубах) представляется подросткам прекрасной возможностью проявить активность и самостоятельность.

Итак, школьники, подростки не находят ни одного отвечающего их запросам источника Порядка в тех системах социальных отношений, которые они знают лучше всего - в школе и в семье. Они вырабатывают собственные правила, чтобы как-то упорядочить и регламентировать свою жизнь, ибо невозможно существовать в полном хаосе. В частности, ученики, которые видят, что учителя в школе плохо относятся к ним, а точнее, не относятся с должной серьезностью, учатся способы доказывать учителям, что все-таки заслуживают определенного статуса и, соответственно, внимания.

Представляется интересным и то, кто играет роль "знатока", человека, который знает все правила, следит за их соблюдением и пользуется авторитетом. Для младших школьников мнение учителей достаточно значимо, но так продолжается недолго. Очень быстро наступают момент, когда оценка учителей не значит ровно ничего, а роль "знатока" выполняют старшие школьники. Преподаватели играют важную роль, лишь тогда, когда ученики действительно любят и уважают своего учителя за то, как он относится к ним; или когда дети осознают ценность и полезность получаемых в школе знаний и считают учителя носителем этих знаний.

Что же касается "академически ориентированных" школьников, ведущих себя соответственно официальной школьной теории, то отношение к ним примерно такое же, как на футбольных трибунах к болельщикам противоположной команды - они обмениваются ритуальными оскорблениями. Дети довольно рано делают выбор, к какой группе принадлежат, а далее ведут себя так, чтобы подтвердить свою принадлежность к этой группе.

Школьники обычно очень мало информированы о том, какие существуют альтернативные возможности, помимо официальной школьной теории. Для того чтобы эти подростки могли найти в жизни иные ценности требуется подтолкнуть их, поощрить, хотя, возможно, кто-то из ребят способен сам дать себе такую команду.

Выбор некоторых - путь одиночки разрушителя, наслаждающегося принятой на себя асоциальной ролью. Путь, избранный другими, выглядит более дружественным. Он не ведет в тупик, а дает возможности достичь определенного статуса и репутации. Этот путь - на футбол.

Жизнь на футбольных трибунах

Футбольные трибуны для подростка - шанс вырваться из неинтересной, рутинной жизни в школе. Это путь к приключениям, неординарности. Школа регулярна и безопасна. Трибуны потенциально опасны и непредсказуемы.

Юные болельщики любой футбольной команды имеют сектор трибуны, который считают своей территорией. Как правило, это пространство сразу за воротами - места наиболее дешевые и доступные. Эта территория предназначается только для местных болельщиков, приезжие занимают места в других частях трибун. Болельщики каждой команды дают ей особое название - "имя". Особый статус "именной" трибуны подчеркивается клубной администрацией и полицией. Иногда даже устанавливаются специальные барьеры, чтобы отделить находящихся там фанов от остальных зрителей. Это похоже на вольеры в зоопарке. Попавшая на эту огороженную территорию человек автоматически становится объектом особого внимания полиции. Что в еще большей степени выделяет фанов от остальных зрителей?

Фаны не воспринимают олицию как "исконного врага", с ней считаются до определенного момента, а "врагом" она становится, лишь когда начинае активные действия против фанов.

Подробное и очень тщательное исследование социальных взаимодействий на трибунах проводилось с использованием видеозаписей (була выделены люди группы, которое оставалось стабильным в течение длительного периода времени. Интересно, что в ходе бесед с фанами выявилось, что они и не предполагали наличия такого ядра

Как правило, это ядро - подростки двенадцати - семнадцати лет. Они выделяются прежде всего одеждой и безобразной атрибутикой: флагами, эмблемами, шарфами, значками... Именно они больше всего привлекают внимание газет и телевидения, производят больше всего шума: поют, свистят, скандируют.

Старшим болельщикам до двадцати пяти лет. Их одежда лишь незначительно отличается от той, которую носит обычно эта возрастная группа. За пределами трибуны их можно и не признать за болельщиков. Но младшие по возрасту относятся к ним весьма почитливо, признают их авторитет.

Состав болельщиков меняется от игры к игре, однако среди них всегда существует большой процент подростков, имеющих на своем счету аресты, полицейские предупреждения. Из семнадцати представителей этой группы не менее десяти уже сталкивались с полицией по разным поводам, не связанным с их активностью на футбольных матчах. Средний возраст футбольных болельщиков - шестнадцать с половиной лет.

Еще менее гомогенная группа состоит из мальчиков, юношей и небольшого количества девушек. Они более склонны присоединяться к скандированию и пению, чем участвовать в каких-либо официальных действиях. И к ним не относятся как к серьезным болельщикам, это просто поддержка от случая к случаю.

И, наконец, новички - мальчики в возрасте около десяти лет. Более старшие фаны относятся к ним покровительственно.

Удивительно, но в этой среде жесткая иерархия, существует понятие "карьера". Ролевая позиция диктует, какие качества характера (и то же демонстрировать, какие навыки, диктует определенные стереотипы поведения (и это поведение подчас выходит за рамки социально приемлемого). Стать "кем-то" на трибунах, завоевать определенный статус - сложное дело, и понимание этого механизма - первый шаг в понимании аномального поведения фанов во время матчей. Однако и это поведение, на первый взгляд одинаковое, разнится в зависимости от социальной роли, которую играет каждый фан:

"**Запевала**" - противоположен, очень высокий парень. Он руководит "перекличкой" с болельщиками как противоположной команды, создает новые песни, активно импровизирует. Его основная обязанность - всегда получать "песенный ответ" от фанов своей команды. Запят и "заглохнуть", не получив поддержки, значит потерять лицо. Именно "запевал" прежде всего отличают в газетных репортажах.

"**Боец**" - отличается особой формой, он носит тяжелые ботинки, иногда оружие. Именно он бьется во главе наступления, когда дело доходит до драки. Он отступает последним, не стремясь афишировать свою роль. Как правило, это школьный смутьян, всегда стремившийся подорвать авторитет своих учителей. Вероятность получить травмы, столкнуться с полицией у него больше, чем у других фанов.. Его привилегии: лучшее место на трибуне, сигареты, послушание младших.

КАК ЖИТЬ С "ВЯЗКИМ" ХАРАКТЕРОМ

Когда в четырнадцать-пятнадцать лет подростки начинают смотреть на свой характер как на что-то внешнее по отношению к самим себе, когда анализируют полученное в наследство от родителей и природы, они испытывают сильные чувства. Редко встретишь подростка довольного своим характером. Но есть среди ребят такие, кто, трезво оценивая свое "наследство", приходит в ужас. Подобно героине фантастического фильма "Чужие" Сигурни Уивер, они буквально чувствуют, что в их теле живет своей неуправляемой, агрессивной жизнью чудовище!

В первом номере нашего журнала мы рассказали о самом энергичном - гипертимном характере. Сегодня разговор о характере, который психологи называют "застревающим", вязким.

ГЛАВНЫЕ ЕГО ЧЕРТЫ связаны с особенностями организма человека. Физиология - предпосылка основного свойства такого характера - недостаточной подвижности нервных процессов. Возможно, в детстве подросток перенес серьезное заболевание или травму, но чаще "вязкость" характера - наследственная особенность нервной системы. Люди, обладающие таким характером, агрессивны, им сложно успокоить свой гнев. Стоит лишь мысленно вернуться к случившемуся, как немедленно оживают сопровождавшие стресс эмоции. Мстительность таких детей и подростков хорошо известна учителям и родителям. С завидным упорством дети отстаивают свои интересы, наказывают обидчиков или тех, кого к ним относят. Они честолюбивы и самоуверенны. Поощрений им всегда не хватает.

Кажется, что подросток с застревающим характером имеет сильные защитные механизмы. Однако это не так. Болезненно чувствительный, он постоянно страдает от мнимого "плохого отношения" к себе, его недоверие к людям не обоснованно, а подозрительность превосходит все разумные пределы.

При этом такие ребята прекрасно знают, где и как нужно себя вести. В классе это может быть аккуратный, педантичный, очень честолюбивый и высоко интеллектуальный человек, возможно, лишь несколько угрюмый и необщительный. Но дома он превращается в тирана, может доводить до слез маму и бабушку придираками, угрозами, постоянной готовностью все держать под своим контролем.

ОТНОШЕНИЯ СО СВЕРСТНИКАМИ не налаживаются. Он часто говорит, что терпит много страданий из-за несправедливых насмешек и издевательств сверстников. Много думает и говорит о том, что отомстит, что никогда этого не забудет. Когда характер выражен ярко, отношения со сверстниками упираются в вопрос власти. Для такого подростка важно не просто стать лидером, но властвовать. Поэтому он охотно отыскивает компании из младших и слабых, тех, кто не способен дать ему отпор, устанавливает порядки, всегда выгодные для него самого. Симпатиями такие подростки не пользуются, их власть держится на страхе.

В некоторых семьях воспитание можно сравнить с тесной комнатой, стены которой рядом - рукой подать: и здесь запрет, и там - "нельзя". В других семьях многое разрешено, много свободы. Но есть такие, где воспитание напоминает комнату, стены которой ходят ходуном. Запреты и разрешения никогда не находятся на одном и том же месте. Представьте себя в такой комнате. Тревога и неумолимое желание опереться о "стенку", найти предел дозволенного - вот что естественным образом формируется у ребенка в такой ситуации. Его обрекают на постоянные метания между исполнением его желаний и наложением на них запрета. В конце концов у подростка вырабатывается враждебное отношение к самому строгому воспитателю. Если взрослый "качается", подобно маятнику, между запретами и вседозволенностью, то у ребенка возникает чувство ненависти-любви к этому человеку. Он и очень привязан и одновременно выставляет взрослому огромный счет.

КАК И О ЧЕМ С НИМИ ГОВОРИТЬ. Подростки с ярко выраженным "вязким" характером в тяжелые моменты угрюмо-злобного настроения нуждаются в покое. Внимание подростка к своему здоровью, к своему благополучию облегчает задачи взрослого, готового заботиться о нем. Разговоры должны быть обстоятельны и неторопливы. Всегда делайте акцент на положительные черты подростка: любовь к порядку, аккуратность, обстоятельность, трезвость расчетов. И очень мягко говорите об отрицательных свойствах натуры.

Сами подростки признают свою склонность к мрачному расположению духа, крепкий сон, трудность пробуждения, любовь сытно и вкусно поесть, силу и напряженность сексуального влечения, отсутствие застенчивости и склонность к ревности. Но в отношении с окружающими они считают себя гораздо более уступчивыми, чем есть на самом деле.

Более адекватна самооценка подростков, "вязкие" черты характера у которых выражены мягче. При доброжелательном контакте такие ребята признают свою взрывчатость, несдержанность. Показав какой ущерб им самим может нанести их характер, посоветуйте им уходить от раздражающих ситуаций, в возбужденном состоянии искать уединения, отдушины в любимом занятии. Объясните опасность для людей с их характером алкогольного опьянения (подростки часто пытаются заглушить эмоциональные бури с помощью крепких спиртных напитков).

ОБИДЧИВОСТЬ ТАКИХ ПОДРОСТКОВ - следствие их неуверенности в себе. В глубине души они боятся себя. И их характер дает к этому основания: злоба на окружающих, жалость к себе - следствие непосильных, жестоких страданий. Такой подросток как бы получает в наследство "поведенческую память" об очень плохой жизни - жизни, которой у него на самом деле не было. Ему приходится придумывать себе такую жизнь - участь, поверьте, незавидная. Поддерживая таких ребят, важно помочь им принять свои индивидуальные особенности, научиться отвечать за свои чувства.

Что бы ты ни решил делать - собирать ли коллекцию дисков, чинить компьютер, плести из бисера или разбираться с просроченными счетами, - ты достигнешь в этом совершенства, как никто другой.

У тебя есть сильные стороны. Ты понимаешь роль мелочей. Детали, нюансы - все то, на что не обращают внимания люди поверхностные, - ты знаешь досконально. А ведь профессионала от дилетанта и отличает это внимание к мелочам.

Ты упорен в достижении цели. Вещи, как и люди, требуют постоянного внимания, но в отличие от людей они не выносят кавалерийской атаки, предпочитают небольшие, но систематические усилия. Шаг за шагом, день за днем.

И твоя коллекция, и твой автомобиль, и твои бухгалтерские счета приобретают черты совершенства. Ты создаешь удивительный материальный мир вокруг себя. И если в твоей комнате не очень аккуратно, там всегда понятный одному тебе порядок. Даже мусор лежит на своих местах, пока ты сам не решишь убрать его. Тебя окружает своеобразный уют. Тебя любят собаки и лошади. Ты можешь стать отличным дрессировщиком, приучив их своей надежностью и заботой. И когда ты станешь по-настоящему сильным, ты сможешь, если захочешь, конечно, стать отличным учителем. Потому что ты терпелив в тех вопросах, которые считаешь достойными твоего терпения. Среди черт твоего характера есть прекрасные качества, необходимые для профессионала. Если ты будешь их разумно использовать, твои профессиональные успехи обеспечены.

Есть угроза, что ты вообще откажешься от каких-либо конструктивных планов в своей жизни, потому что все твои силы уйдут на обиды, "воспитание" близких и выяснение отношений с людьми. Тогда твой золотой запас просто останется невостребованным: в фантазиях ты будешь в деталях разрабатывать планы возмездия или, что еще хуже, претворять их в жизнь. А потом удивись, что жизнь не удалась.

Большинство людей имеют характер, не похожий на твой собственный. Их не нужно перевоспитывать, ибо это невозможно: люди, как и животные, не любят "короткого поводка" (ты и сам ведь его не любишь). Попробуй найти друзей, которые уважали бы твою потребность в порядке, понимали, что это не каприз, а физиологическая необходимость. После этого останется научиться разрешить другим быть не такими, как тебе хотелось бы. Поверь, это задача на всю жизнь.

Не секрет, что ты часто теряешь контроль над собой, ведешь себя так, что позже о своем поведении не можешь дать отчет даже самому себе. По секрету: оказаться "не в своем уме" - проверенный способ сбросить с себя ответственность. Действительно ли ты хочешь променять свою свободу (а свобода и есть оборотная сторона ответственности) на положение не вполне здорового, неответственного человека. Твой характер труден, это верно, но и прекрасен, как необъезженный мустанг.

Попробуй принять ответственность за то, что ты чувствуешь (ведь это твои чувства), приручи их. На это уйдет время, но ты упорен! Однажды люди оценят силу твоего духа и скажут: "Какой сильный характер! Какой замечательный человек!". |

ВВЕДЕНИЕ В СПЕЦИАЛЬНОСТЬ

Александр Колмановский
Школьный психолог третья профессия Александр Колмановского. По первой профессии он – молекулярный биолог. По второй – преподаватель игры на классической гитаре.

Выдался перерыв, я зашел в учительскую. Там словесница Жанна одиноко пила чай.

"Тебе налить?"

"С удовольствием".

"Что это ты бездельничаешь?"

"Родители не смогли придти".

"Не знаю, кому из вас больше повезло". По Жанниному мнению ничего путного я им все равно не сказал бы. Не знаю, может, она и права.

"А вот что ты скажешь про мою Аленку? То острит на счет моей профессиональной компетенции, то ко мне же и обращается".

"Знаешь, я твою дочку плохо помню", - зачем-то соврал я. Правда состояла в том, что я ее совсем не знал, не то что не помнил.

"Вообще я его очень довольна, - продолжила Жанна. - Она у меня умница, и учится превосходно, и дружелюбная, и, знаешь, такая тонкая..." Такого начало вызывало двойственное чувство. Приятно, когда родители искренне хвалят ребенка. Но, с другой стороны, когда все благополучно, за консультацией не обращаются, да еще в кокетливо-неявной форме.

"...Есть вещи, которые меня настораживают. Она до сих пор требует, чтобы мы спали вместе. Это в одиннадцать-то лет. Прямо до скандала: вот ложись с ней и жди, пока не заснет..."

Вообще-то ничего особенного в этом нет. Ну, немного не по возрасту. Не страшно. Но когда ребенок не просто просит, а требует и болезненно относится к неисполнению своего желания, это действительно может быть признаком неблагополучия, например чувства незащищенности. Однако комментировать пока рано. Надо дослушать.

"В любви компании Алена может быть только лидером. Если у нее появляется подруга, она сразу старается, чтобы все было по-ее. Та, допустим, предлагает пойти с компанией погулять, а моя сразу: нет, мы пойдем без них. Ты, говорит, с этим мальчиком не дружи, с этим - дружи... Почти приказывает. А если подруга не слушается, то и дружба не складывается".

Это уже более выразительный признак внутреннего дискомфорта. Едва ли ребенок будет настаивать на своем авторитете просто так. Потребность подчеркивать свою значительность бывает обострена у детей, которые именно в этой значительности и не уверены.

Самой красноречивой оказалась третья "жалоба": Алена панически боится получить четверку, не говоря уже о тройке. Шестиклассница, она сидит за уроками до двенадцати, иногда и до часу, до двух ночи, особенно если назвать контрольную. А это уже классический образ ребенка с низкой самооценкой, что я и высказал.

"Ну, извини, - прервала меня Жанна. - На что-то что, а на это не жалуемся. С самооценкой у нас все в порядке. Даже хорошо было бы поменьше. Если чего и не хватает, так это скромности".

"Но ведь это то же самое. Если ребенок в себе уверен, у него нет потребности настойчиво демонстрировать свои достоинства".

"По-твоему, если у ребенка все в порядке с самооценкой, ему не надо хорошо учиться?" - собственный юмор казался Жанне неотразимым.

"Надо, надо, но именно учиться, а не показывать, как он хорошо учится. Одно дело, если твоей Аленке важно, как у нее получается грамотно писать, или если ей интересна дуэльная история Пушкина - не знаю, что они там проходят в шестом классе; другое - если она панически, как ты говоришь, боится плохой отметки. Это же значит, что она боится уронить свой имидж. А за имидж, сама понимаешь, цепляется ребенок, который иначе не чувствует своей самодостаточности".

Жанна все еще была настроена иронично:

"Как все просто: низкая самооценка - и дети поголовно становятся отличниками. Может, всем школам перейти на такую педагогическую новацию?"

Раздражаться нельзя. Раздражаться нельзя. Это не она непонятлива, это я косноязычен.

"И потом. Я могла бы понять: ребенок учился на тройки, и вдруг стал получать хорошие отметки - у него потребность всем вокруг это показывать. Но Алена-то не сомневается в том, что она - отличница, и что все это знают. Ей не нужно этого никому демонстрировать".

"Но это же всегда так. Посмотри, как первая красавица в классе постоянно подчеркивает свое превосходство, и без того всеми признанное. Как первый силач во дворе все время острит, что сейчас всем навалает. Как чемпион мира по шахматам без конца подчеркивает свою недостижимость. Все эти персонажи не могут не быть уверены в своем успехе. Их неуверенность связана с другим. Каждый из них, независимо от конкретных достижений, в глубине души сомневается: хороший ли я человек?.."

"Извини, что перебиваю, но я практически не встречала людей, которые считали бы себя плохими".

"Конечно, мы все считаем себя хорошими только на сознательном уровне. А бессознательно часто в этом сомневаемся, безотчетно хватаемся за свои подручные козыри, уж у кого какие есть".

"А что, собственно, плохого, если девушка красива, или если юноша атлетичен? Почему они должны из-за этого комплексовать?" Когда я начинал работать психологом, мне часто казалось, что человек нарочно сопротивляется и не хочет понимать меня. Но практика учит презумпции невиновности по отношению к собеседнику. Иначе он тебя не услышит.

"Они комплексуют вовсе не из-за этого. Совсем по другим причинам они чувствуют свою несостоятельность, и стараются защититься, демонстрируя свою самодостаточность".

Возникла многообещающая пауза. Кажется, что-то стало "доходить". Интересно, какие именно из моих выражений помогли этому?

"Если предположить, что ты прав... Откуда же у Алены неуверенность в себе?"

"**Это** и надо раскапывать. Если начинать с самых поверхностных причин, то одной из них может быть похвала за отметки. Понимаешь, когда ребенка хвалят за какие-то конкретные достижения, то для его психики это имеет практически такие же негативные последствия, как порицание за проступки. Когда ребенку, говорят: "Вот молодец, постарался - и смог!", - у него безотчетно складывается представление, что когда и если он "не сможет" (а это рано или поздно неизбежно произойдет), то окажется совсем не молодцом. А это и значит принятие себя лишь условно, лишь в зависимости от выполнения внешних требований. То есть сам по себе я не заслуживаю поддержки, участия, уважения, а только если буду по каким-то параметрам "молодцом". Это - жизнь под страхом неуспеха. Вот тебе и низкая самооценка".

В учительской стал набираться народ, и мы пошли в мою каморку.

"Какая связь между страхом неуспеха и низкой самооценкой?" - спросила Жанна уже вполне серьезно. Я чувствовал некоторую бессвязность своего изложения, но, с другой стороны, Жанна стала выныкать, и это вдохновляло.

"Что такое самооценка вообще? Это представление ребенка вовсе не о своих способностях и возможностях, достоинствах и недостатках, а о том, что он за них заслуживает.

При низкой самооценке ребенок искренне убежден, что за свои слабости и недостатки заслуживает порицания, а не утешения и помощи. Дети с низкой самооценкой считают что они вообще плохие, и только за конкретные достижения могут временно оказаться хорошими. Покуда они прилежны, слушаются родителей, могут десять раз подняться или резко осадить обидчика - "хорошие"; если нет - "плохие". Причем это представление о себе бывает, как правило, бессознательным. Такие дети не то что считают, они чувствуют себя плохими.

Ребенок с нормальной самооценкой, зная за собой свои грехи, тем не менее не чувствует себя плохим. Он признает, что подвел кого-то, или что струсил, отдает себе отчет в том, что неоправданно поздно лег спать и из-за этого плохо написал контрольную... Но он считает, что это все его беда, а не вина, что он, как и прочие люди, заслуживает не укора, а утешения в связи со своими проступками, заслуживает того, чтобы взрослые, не смотря ни на что, щадили его самолюбие, считались с его достоинством, подстраивали под него важные жизненные обстоятельства".

Я уходил в сторону от конкретного Жанниного запроса. Но мне хотелось все ей выложить, а там - может быть, она сама что-то в этом найдет.

"Можно сказать, что ребенок с нормальной самооценкой делит на "плохих" и "хороших" не самих людей, а только их поступки. И к самому себе он относится соответственно: это не я "неправильный", это я только поступил неправильно. Это не я плохой, это мне плохо. В этом случае ребенок бывает открыт как внешней, так и внутренней критике. Дети с нормальной самооценкой легко признаются в плохих отметках и в своих прегрешениях. А если ребенок настроен так: я поступил неправильно, значит, я сам неправильный, плохой, - то он гонит от себя признание своей вины. Ведь плохим окажется не только поступок, а он сам. И вот когда мы ребенка хвалим или ругаем за что-то, мы приушаем его к тому, что оценка поступка распространяется на оценку его личности".

Снова приятная пауза.

"Нельзя хвалить?"

"Нельзя хвалить "за что-то". Хвалить вообще-то надо, и щедро, но не за вымытую посуду или полученную пятерку. Это все равно что ругать за невымытую посуду или за двойку. Необходимо общаться только в терминах "правильно" - "неправильно".

"Мам, у меня пятерка!" - "Значит, все правильно сделал? Я очень рада за тебя рада". - "Мам, ну что ты меня даже не похвалишь!" - "Детка моя, я тебя очень хвалю, но не за пятерку же. Я тебя и так очень люблю, хоть бы ты был двоечником".

"Посмотри, как я стол накрыла!" - Да, очень красиво. - "Ну, молодец я у тебя?" - Ты у меня вообще большой молодец..."

Я ожидал обычного в таких случаях довода - как же не ругать за плохие отметки, ведь учеба пойдет насмарку, - но услышал другое: "Я все это понимаю. Сколько вижу детей, которых ругают за отметки, и всегда от этого бывает только хуже. Мы ее не то что не ругаем, наоборот, я ее уговариваю: бог с ними, с отметками, ну будет четверка или даже тройка, подумай. Здоровье дороже. Ложись, говорю, доченька, лучше спать. Она - ни в какую..."

Итак, первое предположение оказалось неверным. Мама велит дочери на эти тройки плюнуть. Правда, осталось неясным, не хвалит ли она Алену за пятерки. Однако попробую, лучше копнуть более глубокий "пласт": семейную ситуацию.

Выяснилось, что у Алены есть младший брат, и отношения с ним не идеальные. Но это неблагополучие выглядело незначительным, во всяком случае не тянуло на то, чтобы быть причиной Алениных проблем. Свои отношения с мужем Жанна описала как теплые, а главное, дружественные (для детей особенно важна именно дружеская, а не любовная составляющая). Я попросил рассказать об отце подробнее.

"Знаешь, он - ангел. Честный, добрый, все берет на себя, терпимый... Подруги мне говорят - выиграла в лотерею. Я и дочка говорю, что бы не обжаловалась, что у нее такого мужа не будет, что она не зависела полностью. Таких людей, как наш папа, такого не бывает".

Ситуация становилась для меня все менее понятной. Семья близка к образцово-показательной, а ребенок явно невротизирован. У меня оставалось последнее предположение:

"Какие у них с папой отношения?"

"Да прекрасные отношения, - сказала Жанна едва ли не с досадой. - Никогда не ругает, не наказывает, вообще голоса не повышает. Он больше насчет пошутить и побалагурить. И она его очень любит".

Теперь уже я, с досадой на свою профессиональную беспомощность, честно сказал, что, к сожалению, не знаю, чем помочь, надо, мол, наблюдать за ситуацией некоторое время... Жанна вздохнула и поднялась уходить. Я тоже поднялся выпустить ее из каморки.

Как же так? Ведь чудес на свете не бывает. Раз ребенку некомфортно, должны же быть какие-то причины. Но мы вроде бы все "прозвонили"...

Открывая ей дверь, я спросил для очистки совести: "Ну скажи все-таки, может ли Алена прийти к папе с рассказом о том, как у нее колготки порвались и она весь день должна была ходить в школе с дыркой, или как ее проигнорировал мальчик, или как она сама кого-то обидела?.."

"Ой, что ты, - Жанна там нахмурила губы, - этим дети могут делиться только с мамой. Папа у нас вообще в такие темы не разговаривает, он считает это женскими глупостями". И все сразу встало на свои места. Вот этого совершенно достаточно, чтобы объяснить Аленино состояние. У нее нет возможности делиться с папой своими повседневными бытовыми переживаниями, тем, из чего складывается ее реальная жизнь. Папа считает их мелочами, глупостями. Иначе он, наверное, выкинул бы в них. В сознании Алены (вернее, в ее подсознании) это обобщается так: ведь ересь же в папиной жизни люди, чьи высказывания он внимательно выслушивает, в чьи переживания выкидает. Эти неведомые люди с их неведомыми обстоятельствами смогли снискать папин интерес, а я - нет. Значит, я не важная, незначительная...

И папина общая прогрессивность и продвинутость, как ни странно, только усугубляют дело. Он хороший, он умный, а я - плоха и глупа...

"Знаешь, может, так и есть, как ты говоришь, - уже совсем доверительно сказала Жанна, - но выглядеть это совсем иначе. Во всяком случае, Алена привыкла к такой манере, как к нашей домашней традиции. Она не воспринимает это как какое-то невнимание со стороны отца, уж тем более как наказание. И она правда его любит, это видно".

"Ну конечно, любит. В такой ситуации ребенок начинает меньше любить не родителей, а себя, и проявляется это именно в том, что ты описываешь".

"Как бы то ни было, нашего папу не перевоспитаешь", - вздохнула Жанна.

"Подожди с папой. Запрос был не про папу, а про Алену. С нее и надо начинать. Тебе нужно открыть Алене глаза на папину "неправильность", сформулировать его "вину": папино общение - это не норма, "хорошие" отцы общаются со своими детьми вполне интимно. Казалось бы, зачем настаивать ребенка против собственного отца? Как-то приновились друг к другу - и слава богу, не тронь лихо, пока спит тихо..."

Но этот "сон безумца" рождает угрозу. В переходном возрасте, у Алены начнет формироваться безотчетная претензия к отцу. Есть немалый риск, что, если эта претензия не будет привязана к реальному компромату, она будет хаотично связываться с компроматом мнимым. Алена начнет ставить несчастливого папу в вину какие-то надуманные вещи. Ее станет раздражать его выбор рубашек, или ей вдруг начнет казаться фальшивым его голос, или еще что-нибудь такое. От этого и он будет немало страдать, и она сама будет чувствовать, что делает что-то не то, и всем будет плохо.

Нужно объяснить Алене, что папин стиль общения с ней и с братом - это не сознательная позиция, а защитная поза. Папа не привык всерьез выныкать в чужие переживания не потому, что они того не заслуживают, а потому, что боится..."

"Наш папа? Ты бы его видел. Это уж совсем не вяжется с его образом."

"Уверяю тебя. Боится, что ему пожалуются на обиду, признаются в ревности, а он не знает, как на это реагировать. С ним в детстве, видимо, так не общались. Разумеется, это безотчетная позиция, папа объясняет себе свое поведение, совсем другими соображениями, но на самом деле она продиктована страхом попасть в непривычное положение. У него самого понижена самооценка.

Посмотрев на папу такими глазами, Алена перестанет принимать происходящее на свой счет; она будет относиться к папиной отгороженности, как к его слабости, его страданию, а не как к проявлению его отношения без себя самой. Изменится ее самооценка...

Кроме того, есть опасность, что Алена будет безотчетно предполагать папину манеру общаться в своих будущих мужчинах, и на всякий случай станет держать с ними дистанцию, не пускать в свой внутренний мир. Поэтому с мужчинами ей не будет покаместому комфортно. Они тоже будут чувствовать эту дистанцию, не понимая ее происхождения, и им тоже будет некомфортно с Аленой. Ей грозит трудности в личной жизни. А если она поймет, что папино поведение является защитой, тогда и к другим мужчинам она отнесется иначе: не кто из них плохой - кто хороший, а кому из них плохо - кому хорошо. И у нее будет меньше опаски и мужчинам с такой женщиной будет хорошо. Переходим к папе?"

"Да!"

Верно, это не переувеличено. Но этого и не нужно. Важно вывести его из "защитной пены". Это всегда возможно, в любом возрасте; другое дело, что это потребует это большего или меньшего времени и усилий. Представим себе, что мы удачно поговорили с папой, объяснили ему нашу логику, и, допустим, он сказал бы: "Знаете, это все правильно, но я так не смогу. Делайте со мной что хотите, но мне это непозволительно". И вот это было бы для нас почти победой, это уже было бы половиной дела. Главное в любой проблемной ситуации - назвать вещи своими именами. Такая позиция означала бы, что папа перестал считать свое поведение нормой, признал его неадекватность. После этого ему было бы достаточно поговорить с детьми: "Я хочу, чтобы вы знали, что я вовсе не считаю наше общение удовлетворительным. Это не норма. Отношения между близкими людьми должны складываться совсем другими - открытыми и доверительными. Но я так не могу. Я буду стараться; но если не смогу, не принимайте мою отрешенность на свой счет".

"Сможешь от него этого добиться?"

Жанна выглядела уставшей. "Не знаю, - сказала она. - Но попробую. Спасибо".

Я остался один. Как же я был косноязычен! Сколько лишнего наговорил! Она не в силах за один раз усвоить столько информации. И сколько лишнего он сказал. Почему не похвалил ее за Аленку - ведь по большому счету девочка замечательная. Почему не сказал, что скорее всего Алена и так в какой-то степени компенсируется. Она хороший человек, и в этом - главная мамина заслуга. |

УЧИТЕЛЬСКИЕ ДЕТИ

марина аромитам, иосиф фурман

Марина Аромитам - учитель экспериментального класса московского Центра образования Евгения Ямбурга, журналист, редактор газеты "Дошкольное образование". Когда она затрудняется ответить, что же из выше перечисленного следует поставить на первое место, то вспоминает: главное, она (мама двух уже достаточно взрослых мальчишек и жена писателя Александра Фурмана.

Иосиф Фурман (человек с пока еще неясными перспективами, поскольку ему четырнадцать лет. Первые публикации появились в журнале "Куча мала" в 1997 году и, по словам критиков, выдержаны в жанре ироничного абсурда. Сын Марины Аромитам

Знавал я одну семейку, где всех звали Буратино. Отец был Буратино, мать была Буратино, и сынишка тоже Буратино... Назову-ка я своего мальшиа Буратино. Может, это принесет ему счастье!" / Со старой детской пластинки. Записано по памяти

Я педагог в третьем поколении. Моя бабушка была учительницей, мой папа был директором школы, моя мама работала воспитательницей детского сада, а тетя - библиотекарем в ПТУ.

Дома у нас вечно торчали чужие дети, лежали стопки непроверенных тетрадей и велись нескончаемые педагогические разговоры.

В результате к моменту окончания школы я твердо решила, что буду кем угодно, только не учителем. И поступила в педагогический. Учась в институте и попутно получая "левые" специальности - киномеханика, машинистки, я была уверена, что буду работать где угодно, только не в школе. И работаю учителем уже восемнадцать лет.

Теперь я говорю об этом с ощущением возвышенной обреченности. Здесь нет ничего от сознательного выбора, от ощущения призвания. Это судьба. Карма.

Просто я - "учительский ребенок".

У меня растут собственные "учительские дети". И моя профессия неизбежно и неизгладимо оставляет свои метки в их жизни.

Учительские дети - что это такое?

- Слушай, попроси отца, чтобы нам танцы разрешили! Тебе-то он не откажет!

Я - ЕГО дочка. И они надеются, что МНЕ он не откажет. Я чувствую себя возвеличенной, как жертва, которую готовят к закланию. Они все как-то так стоят, что мне нет иной дороги, кроме как в кабинет директора. Я киваю и глупо улыбаюсь. И вхожу.

- Папа! Это я... Там ребята... Они просят разрешить танцы...

- Я же сказал "нет"! Провинились - несите наказание.

Спиной ощущаю притаившуюся за дверью безумную надежду. Неужели я произнесу эту запретную фразу?

- Ну я тебя прошу!.. Как дочь...

- Что-о-о?.. - Громовежец является во всем своем истинном обличи. - Какая дочь может быть на работе?!

- Папочка, пожалуйста...

Неужели я продолжаю улыбаться?

Затем меня берут за шиворот (или мне это только чудится?) и возвращают детской толпе, нетерпеливо ожидающей конца аудиенции. Я ощущаю не стертую с лица улыбку как проклятие.

- Не разрешили...

Я выдыхаю. Все кончилось.

Ребята расходятся, глядя на меня со странным подозрением: как это он мог МНЕ отказать? И не понимают: если хотели о чем-то просить, им надо было посылать кого угодно, только не меня. Не директорскую дочку...

"Учительский ребенок" изначально знает, что жизнь его родителей поделена на неравные куски: одна часть жизни принадлежит школе, чужим детям, другая - ему. Чем больше учитель "отдается" работе (интересно, кто первый и с какой целью употребил это выражение?), тем меньше его времени и душевных сил достается его собственному ребенку.

Многие профессии требуют времени и самоотдачи. Но здесь - особый выбор. Там - слава или ребенок, деньги или ребенок, наука или ребенок. Здесь - другие дети и собственный ребенок.

Чужие дети - всепроникающая материя. Они настигают тебя дома в любое время: в виде срочных телефонных звонков за семейными завтраками, обедами и ужинами, в виде недошитых театральных костюмов по выходным и непроверенных тетрадей по ночам.

"Зачем ты принесла их домой? Зачем они сидят у тебя на коленках?" - кричал пятилетний сын моей подруги, когда она пыталась дома проверять тетради. И скидывал эти тетради на пол.

Твои профессиональные педагогические качества определяются степенью твоей погруженности в других детей. Для твоих домашних это постоянный источник ревности - примерно то же, что жена, страстно желающая поделиться с мужем мыслями о любимом человеке на стороне.

Учительские дети живут с этим всю жизнь. Прощают? Учатся справляться?

Моя мама - учительница. С этим обстоятельством в моей жизни связаны определенные сложности.

Я до сих пор считаю, что мамина профессия сильно подпортила мне жизнь.

Во-первых, я учился у нее в классе. Поэтому за все ее поступки я вынужден был отвечать.

Например, она кого-нибудь обругала на уроке. Я же вынужден был общаться с этим "кем-нибудь" еще и на перемене, и во время прогулки, и тогда, когда все играли в снежки или в футбол. Он смотрел на меня, а я - на него. Чувства при этом каждый испытывал странные. Я - чувство стыдливой жалости. А он? Скорее всего обиду и злость.

Никто не хотел признавать, что я существую сам по себе, что я - отдельное существо. Я был сыном учительницы, я считался ее частью. А мне больше всего хотелось быть самому по себе. Хотя в глубине души мне жалко было бы расстаться с той нечаянной властью, которую я получил благодаря своей маме.

До сих пор - хотя прошло уже три с половиной года, как мы окончили начальную школу, - я при встрече со своими одноклассниками чувствую, что на меня смотрят как на сына их бывшей, пусть и любимой, учительницы.

Во-вторых, мама-учительница вызывала в моей голове некоторое раздвоение. Сама требовала, чтобы я, переступив порог школы, забывал о том, что она - моя мама. Но на уроке раздражалась на меня больше, чем на всех остальных. Даже могла дать подзатыльник.

Дома все было наоборот. Она требовала, чтобы я забыл о том, что она учительница. Отказывалась говорить, что задано. И мне каждый день приходилось узнавать уроки у отличников. Они каждый раз заново удивлялись, почему я им звоню.

Сама она свои собственные условия выполняла плохо. Например, все время жаловалась папе, что я отвратительно веду себя на уроках. Откуда она это могла знать? Ведь в школу ее не вызывали!

Были, конечно, и некоторые преимущества. Каждый раз по дороге домой мама-учительница посвящала меня в психологические тонкости своей работы. Она рассказывала мне про характеры, про возбудимость, объясняла причины поведения одноклассников их семейными сложностями. Тех, кто доводил ее больше всего, требовалось жалеть и понимать.

Я в свою очередь посвящал ее в секреты внутренней классной жизни. Как два тайных агента службы безопасности, мы договаривались о нераспространении информации и запрете на ее прямое использование.

Может быть, благодаря этому я узнал что-то о поведении людей и научился лучше их понимать...

"...В трудные дни организации приюта в Бургдорфе Пестолоцци получил известие, что его единственный сын умирает... Пестолоцци не поехал к умирающему. Он не мог оставить Бургдорфа ни на один день. Только еще с большей яростью принялся за работу..."

Из книги С.Соловейчика "Час ученичества"

Поступок Пестолоцци не подлежит обсуждению. Он поступил так, как велел ему его долг. Долг перед чужими детьми. У "настоящего" педагога чаша весов не может перевесить в сторону своего ребенка. Это негласный закон, устойчивое общественное мнение.

С древнейших времен статус учительства предполагал полную самоотдачу. У учителя должны быть "духовные" дети, а не кровные.

У Корчака не было собственных детей. У Макаренко не было родных детей (он усыновил ребенка подросткового возраста). Множество внебрачных детей Руссо воспитывались в рабочих домах. Но ребенка как такового, ребенка, о котором бы он думал, которого бы растил, воспитывал, у него не было. Список великих "бездетных" педагогов можно продолжать. Что это - случайность или закономерность?

Неужели от педагога требуется то, чего Господь не решил потребовать до конца даже с Авраама: принести в жертву собственных детей?

Вероятно, каждому взрослому человеку хоть раз в жизни приходилось переживать странное чувство раздвоения: ты плачешь, говоришь, смеешься - и при этом видишь себя со стороны. Видишь так четко и ясно, что понимаешь, смеешься удиряешь еще и подтрунить над собой: ну вот и ты удостоился чести стать героем - если не античной трагедии, то хотя бы ненаписанной повести с некоторыми элементами трагизма...

...Я возвращаюсь домой из института, где повышаю свою квалификацию - зарабатывать необходимую школьному начальству справку, от тоски читаю под партой довольно нудный жедежский роман. По этому поводу у меня сегодня нет уроков в школе: мой пятый класс наконец пристроен по учителям-предметникам. Еще чуть-чуть, и я начну думать о возможном наступлении весны...

Навстречу бежит муж. Слишком быстро. Как-то это не похоже на встречу влюбленных.

- Из школы звонили... Сотрясение мозга... Они там возились... Стукнулся головой... О какой-то сундук...

Так. Не "стукнулся", конечно, а стукнули... Подрались. Пятый класс. У меня - методический день... Я разворачиваюсь, и мы бежим вместе.

Между прочим, этот сундук - моя гордость, музейный экспонат. Достался от двоюродной прабабушки мужа. На нем сидят на уроках литературы, на занятиях по фольклору. Углы - острые.

Медсестра встречает нас в кабинете вопросом: поедем ли мы в больницу? Рвоты, вроде, нет. Голова пока кружится. Ну, и шишка.

Под дверью - дети.

- Что вы сделаете с Тимуром? Из школы выгоните? Он плачет. Дома его убьют.

Что я сделаю с Тимуром? Господи! Да мне сейчас не до Тимура.

Невропагноз внимателен. Успокаивает. Три дня полежит, понаблюдаете...

Едем домой. В суете обрывочных мыслей прорезывается: "Тимур". Что же я сделаю с Тимуром?

- Сыночка? Ты можешь поговорить? Тимур виноват?

- Он противный, мам. Он мне сказал на улице: "Не будь ты сын учительницы, я бы тебе смазал". А я ему говорю: "Попробуй, самбист!" Подумаешь, раздувается тут со своей шпартшколой!.. Мы вернулись с перемены, а учителя нет. Ну мы и сцепились. Он первый. Но об сундук он не хотел. Это случайно.

...Что я сделаю с Тимуром? Я вообще не знаю, что делать. Завтра они все будут на меня смотреть и ждать, как я буду востить за своего ребенка. Если бы это был чужой ребенок... Что было бы, если бы это был чужой ребенок? О нет! Господи, спасибо Тебе за то, что это мой ребенок лежит с сотрясением мозга и я могу спокойно думать, что мне делать с Тимуром. Я по крайней мере могу этого Тимура не убивать. Я просто скажу ему, что он поступил гадко...

"У учителей всегда трудные дети!" Это произносится с чувством плохо скрываемого удовлетворения: вот ведь, профессионалы от педагогики, а не могут справиться с проблемами воспитания собственного ребенка!

Как защититься? Не говорят же врачу: какое ты имеешь право болеть гриппом!

Профессионал ты в школе. Там ты выстаивал, как в бою, контролировал каждый шаг, понимал, вникал, решал проблемы.

Дома ты усталый, расслабленный, уязвимый...

И подростковые проблемы настигают тебя, как любого смертного.

- Ну, что новенького в школе?

- По математике контрольная была.

- Написал?

- У Ефремова тоже двойка. А он отличник.

- При чем тут Ефремов?

- При чем, при чем! У ГД дома неприятности. Вот она и бухнула контрошу на новую тему. Ни за что ни про что... Все завалились...

А вообще-то... Мам, знаешь, ГД понимает меня лучше всех, хоть она и математик. У нее чувство юмора есть. Она мне в прошлый раз говорит: "Я просто мечтаю встретиться с вашим папой!" Я ей так скромно ответил: "Вы знаете, - говорю, - это совершенно бесполезно. Родители в отношении меня бессильны".

- А она?!

- Засмеялась. И потом в каждом классе спрашивала: "У кого здесь еще родители бессильны?"

- Надеюсь, ты напомнил ей, что у тебя мама педагог? Для остроты момента...

- Зачем? Твоя педагогика на меня не распространяется. Я теперь просто скромно жду, когда ГД скажет: "Фурман! Садитесь на заднюю парту и пишите прозу!"

- Это вместо того, чтобы геометрию учить? Размечтался! Лучше бы лишний раз параграф повторил, иначе никакой юмор ГД не спасет тебя на экзаменах...]

ЗАПИСОЧКИ НА КАЖДЫЙ ДЕНЬ

Филипп Барский

студент факультета психологии МГУ

У каждого из нас в детстве были переживания, которые оказали значительное влияние на будущую жизнь или некоторую ее часть. Они могли быть яркими, смутными, загадочными, веселыми или очень страшными - такие иногда сидят где-то глубоко, лишь время от времени всплывая на поверхность. У меня в детстве было достаточно приятных переживаний, связанных во многом с Игрой в придуманную страну (об этом подробнее в первом номере журнала "Педология. Новый век" в материале Светланы Боринской, мамы автора этих заметок), но, конечно, есть и множество таких, которые я назвал бы "травмирующими". Самые ужасные из них приходятся на детсадовские годы - их объединяет чувство незащищенности перед системой общественного воспитания.

Меня приводили в детский сад ранним темным утром и оставляли там до вечера. Воспитательницы - здоровенные существа-великанши, смотрели откуда-то сверху и могучими голосами заставляли детей есть мерзкую солянку, бутерброды с сыром, из-под которого пузырилось отвратительное масло, и пить теплое бежевое какао. Их власть была безгранична, а время под их правлением тянулось мучительно медленно и вязко. Я ощущал одиночество и беспомощность, потому что не знал, что делать, попав в такое безвыходное положение. Всемогущая мама не могла здесь помочь, а ее разговоры с воспитательницами проходили безрезультатно - они продолжали кормить, выгуливать и укладывать спать насильно.

Полагаю, что подобная ситуация не редкость; возможно, некоторые родители ломают голову над тем, как поддержать своего ребенка в авторитарной окружающей среде. Что бы я мог посоветовать своей маме, если бы оказался в прошлом? Со своей нынешней "психологической" позиции я могу по-новому взглянуть на происходившее: все же я неплохо помню себя и свои чувства. Ребенок в отличие от взрослого еще не способен самостоятельно выработать иное, конструктивное отношение к травмирующей ситуации, которое могло бы снять ее остроту. Взрослый для него не только защита, жизненный источник тепла или знаний, а еще и носитель образцов поведения и отношения к реальности (к тем же воспитательницам с их солянкой и бутербродами). И эти знания и отношения могут быть переданы ребенку. Для этого можно использовать предмет, который станет символом присутствия родителя и напоминанием о том, чему научил ребенка взрослый.

Я думаю, что для маленького "тогдашнего" меня, с чувством одиночества, покинутости и беспомощности, важнейшей поддержкой могли бы быть символы присутствия мамы и ее заботы - например, взятая с собой мамина фотография (если бы она сказала: "Я буду с тобой все это время, носи меня вот в этом кармашке, если заскучаешь - достань и посмотри") или какой-то "амулет силы" - предмет, который мне дал бы отец со словами: "Ты ведь мужик, маленький, но мужик - не стоит бояться воспитательниц. Если нет возможности сопротивляться, то по крайней мере будь мужиком - докажи себе, что ты можешь съесть этот суп и не подавиться". Я мог бы сжимать его в минуту трудности и вспоминать, что существуют великие воины, рыцари, "настоящие мужчины, которые не боятся". Таким образом, носителем желаемых личностных черт для ребенка могут стать различные маленькие предметы, если сначала взрослый наделит их этими свойствами.

Мама интуитивно догадалась использовать этот прием. Когда я не хотел надолго оставаться без нее летом на даче, скучал и расстраивался, мы придумали оставлять мне снулки - разноцветные записочки на каждый вечер, которые я читал перед сном и ставил галочку на соответствующей снулке. Например: "Розовая, успокаивающая снулка", "Пятнистая снулка для пятницы", "Приятная снулка с блистками" или "Четверговая снулка, по содержанию зеленая, а с виду - нет" (написано красным фломастером). Также на листочках были нарисованы небольшие смешилки и несколько серых грустилок - мало ли что, может, и пригодится.

Взрослый может поддержать ребенка в трудную минуту, проявив немного фантазии, чтобы сообщить ему часть своей "взрослости" в символической форме. Если вам, к сожалению, не до того, то можете использовать снулку для засыпания со вздохами. Но, может быть, все же захочется попробовать - тогда могу предложить вам небольшую придумывалку. Просто отметьте ее галочкой, когда соберетесь поиграть со своим ребенком. |

КАК МЫ ВОСПИТЫВАЕМ... *Мира Тодоровская*

Мы ничего особенного от сына не требовали и не ждали. Он всегда сам занимался собой: сам выбирал, что ему читать, сам решал, куда поступать. Захотел во ВГИК - пожалуйста. Если бы решил поступать в университет - значит, в университет.

Когда он рос, мы жили материально достаточно тяжело, у нас не было возможности баловать его или, например, нанимать репетиторов. Тогда многое было иначе: не было, например, компьютеров. Компьютеры - вещь, на мой взгляд, вредная. И не потому, что я старая брюзга и не понимаю процесса. Огромное количество готовой информации быстро подается в доступном и понятном виде, но теряется при этом и огромное количество времени, которое - не будь подключенного к Интернету компьютера - можно было бы потратить, например, на книги. Наш внук Петр сидит в Интернете круглые сутки и особого желания читать у него пока не заметно. Парню пятнадцать, но куда поступать, он еще не придумал. Маленькой внучке - четыре с половиной года, и компьютер ей тоже интересен. Я говорила сыну: "Не подключайся к Интернету". Но он их балует. Внуки растут в принципиально других условиях, чем он сам. Им проще.

Наш сын в школе в общем-то был лоботрясом. Отличником не был никогда, но прочитал всего Достоевского. Пришел во ВГИК достаточно образованным человеком. Можно, конечно, говорить, что Валерий поступил потому, что у него отец - Тодоровский. Отчасти это, наверное, и так. Но поступил он не сразу, а главное, что пришел туда уже будучи в "материале". Он сам очень много всего узнал. Единственное, что мы специально сделали для него перед поступлением в институт, - устроили ему поездку в Ленинград, чтобы он походил по музеям.

Режиссерский факультет ВГИКа он выбрал сам. Может быть, потому, что с детства варился в особенном кругу. Знал Окуджаву, Высоцкого, Тарковского. Но решение принимал сам.

Валерий, насколько я понимаю, от своих детей ничего особенного не требует, у него нет определенных установок, как не было их и у нас. Наверное, так и должно быть. Он рос самостоятельным, вырос и вполне состоялся, как вы знаете. |

ДЕТСКАЯ ВОРОВАТОСТЬ

Светлана Кривцова

по жизни отличница, self-made-woman. Дочка учительницы и "старшая сестра". Проводит тренинги для учителей и публикует о них книги, возглавляет Центр социально-психологической адаптации детей и подростков "Генезис", преподает на факультете психологии МГУ. Профессиональный девиз: "Вести за собой, но не давить".

Коллега, работающий в подмосковном лицее, рассказал: "Во время поездки в Германию ребята жили в немецких семьях. И вы знаете, в один из первых дней случился большой скандал: родители немецкой девочки, у которых жила шестиклассница Маша, обвинили ее в воровстве". Маша принесла в школу куклу их дочери, которая стояла в детской, где спали обе девочки. "Я только хотела показать своим!" - плакала испуганная Маша.

В школе или в детском саду без конца что-то пропадает. Диапазон "педагогических реакций" очень широк - от громкого возмущения, переходящего в тотальные осмотры портфелей и детских шкафчиков до замалчивания факта воровства.

Вороватость детей - неприятная проблема. Размышляя о ней, мы сталкиваемся с сильным искушением: искать причины не в нас самих, а вовне. В самом деле, так хочется перейти к этнопсихологическим сравнениям, рассказывая о том, что на Западе уважение к чужой собственности, к чужим вещам воспитывается с детского сада, поэтому извинительное для нас "взял без разрешения" кажется просто чудовищным. А мы живем в современной России. И в нашей культуре человека, который искренне верит, что брать чужое без спроса нельзя, скорее всего назовут чудаком...

Детская вороватость возникает вследствие одного из двух факторов: либо у ребенка не сформировано умение спрашивать разрешение, либо он не понимает, зачем это нужно делать. То есть у него не сформировано убеждение, что спрашивать разрешение правильно и необходимо. Понятно, что научиться этому никогда не поздно, просто когда детям двенадцать, уходит больше времени и усилий, чем если бы им было четыре или пять лет. Двенадцатилетнюю Машу, хорошую девочку из хорошего лицея, достаточно научить анализировать ситуацию. Анализ будет успешным, когда у нее появятся точные ориентиры: когда можно не спрашивать разрешения, а когда делать это обязательно.

Я не раз задавала вопрос и убедилась, что не только детям, но и многим взрослым не так легко ответить на вопрос, когда школьникам необходимо спрашивать разрешение. Как правило, ребята это делают в двух случаях: когда хотят получить особые привилегии или воспользоваться чужой собственностью. При этом не важно, нужна ли она им для собственного удовольствия или для общего дела. ("Мария Семеновна, на большой перемене совещание старост классов. Если мы не успеем все обсудить, можно я опоздаю на урок?", "Мам, я приду сегодня попозже, ты не возражаешь?" "Какая у тебя классная гитара, можно взять?")

Не всегда ребята понимают, что есть множество ситуаций, в которых как раз очень хочется спросить разрешение, позволение, но делать это не обязательно. Более того, неправильно. Это ситуации, когда принимаются ответственные решения. Можно спросить совета, но не надо ожидать, что кто-то даст разрешение дружить тебе с этим человеком или нет, заниматься в этом кружке или перейти в другой, соглашаться стать старостой группы или остаться в тени...

Когда ситуация проанализирована, решение принято, нужно суметь правильно спросить разрешение. Проблемы возникают из-за двух типичных ошибок.

Подростки задают вопрос не тому человеку.

- Коль, ты чего, мне Федька разрешил взять мяч!

- При чем тут Федька? Это мой мяч!

Разговаривая об этом с детьми, уточните: спрашивая разрешение на что-то, имеет смысл обращаться только к владельцу вещи, ответственному за мероприятие...

Дети не дожидаются ответа или молчание принимают за желаемый ответ или спрашивают так, что их не услышат (в суете, когда человек занят другим делом). В результате - неприятные недоразумения.

- Я спрашивал!

- Что-то я такого не припомню! Обманщик!

Уточните: вещью или привилегией пользуются лишь услышав ответ "можно".

Порой недостаточно разговоров "Как и когда спрашивать разрешение". Важен пример, которому можно было бы подражать. Важно знать и правила школы или семьи, которые регламентируют такие ситуации.

В детский сад приходит девочка, у которой накануне был день рождения. Она принесла новую куклу. Воспитательница, расспросив ее о подарке, продолжает: "Ты принесла ее только показать или поиграть тоже?" И принимает, поддерживает любой ответ ребенка. И никаких осуждений и оценок!

Несколько слов о детских шкафчиках. Как говорит известный директор красноярской школы Исаак Фрумин: "Я начальник только над досками и партами. Но от них зависит очень и очень многое в создании той или иной атмосферы в школе". Мудрые директора понимают, что работать с проблемой воровства нужно начинать с такой, казалось бы, простой вещи, как личные шкафчики каждого ученика. Сколько писалось про них, обязательных в любой западной школе. Но, увы, столь удобное и простое решение оказалось неприемлемо для нашей школы. Ведь в шкафчики нельзя заглядывать без разрешения ребенка! И ключ есть только у него самого и у одного доверенного взрослого. Оказывается, там можно оставлять не только сменную обувь и некоторые школьные принадлежности, но и тайный дневник, который не хотелось бы нести домой. Эти шкафчики - индикатор безопасной атмосферы в школе и еще... манифест доверия взрослых детям, уважения к их собственности не на словах.

Становятся ли собственностью детей подарки, которые мы им дарим? Или остаются нашей? Критерий прост: может ли ребенок распоряжаться подарком по своему усмотрению?

"Когда мне было лет тринадцать, я собирала марки. Однажды папа привез мне несколько красивых марок из Киева. На них, как сейчас помню, были африканские львы и жирафы. В нашем классе был мальчик, не очень благополучный. Сейчас не важно, почему я решила отдать ему эти марки, сделала я это от чистого сердца. Папа, узнав об этом, стал страшно ругаться. Я испугалась и почувствовала себя такой виноватой, что решила начать собирать деньги, чтобы купить эти папины марки, хотя и понимала всю безнадежность затеи. Я сэкономила на школьных обедах. В конце концов все раскрылось, родители отругали меня и велели вернуть марки..." Такие истории случались со многими из нас, но сейчас, став взрослыми, помним ли мы о них?

Убеждения формируются не явными, но реально действующими правилами нашего дома и нашей школы.

1 Уважительное отношение к чужой, в том числе детской, собственности важно проявлять на деле.

2 "Взятое без спроса" должно быть возвращено, а вот взявший вовсе не обязательно должен быть разоблачен при всех. (Возвратить можно тихо, позволив ребенку сохранить лицо.)

3 Как и любое другое плохое поведение, воровство может иметь под собой разные мотивы. Кто-то из детей таким образом пытается привлечь внимание к себе разводящихся родителей, кто-то утверждает свою власть, завоевывая высокий статус в группе или манипулируя ею, кто-то мстит совершенно конкретному человеку, а кто-то вообще полагает, что не сделал ничего плохого, потому что тем "у кого по семь курток, надо делиться с теми, у кого нет ни одной". Мотив требует гораздо большего внимания, чем сам случай.

Очень важно относиться к взятому без разрешения как к ошибке, которую можно исправить. Иначе мы лишаем ребенка права на ошибку, а это противостоит природе. Нельзя жить, не делая их. |

НОВЫЕ "ДОЧКИ-МАТЕРИ"

Мария Тендрякова

- кандидат психологических наук, сотрудник института этнологии и антропологии РАО. Ее область интересов - психология первобытности, возрастные инициации и обряды перехода в разных культурах, этнопсихологический и культурологический анализ игры.

Первыми забили тревогу японские ученые: ушли в прошлое традиционные детские забавы, электронные игрушки заполнили все, дети играют не столько друг с другом, сколько с техникой. Постепенно те же проблемы и то же беспокойство передалось и Америке, и Европе, проникло оно и в наш удел вместе с компьютерной революцией...

Другая игровая метаморфоза не столь радикальна, не столь планетарно-судьбоносна, но все же очень типична и показательна для нашего времени. Старая добрая игра в "дочки-матери" в наши дни трансформировалась в игру с куклой Барби.

Небольшое отступление о куклах вообще. Кукла пришла в нашу повседневность из глубокой древности, в мир детской игры - из мира священных ритуалов. Кукла создана по образу и подобию человека, она может быть вместилищем души и средоточием жизненной энергии. Первобытные маги и средневековые народодеи использовали в своей практике фигурки из воска, дерева, глины, с их помощью вызвали порчу и лечили. Наши куклы - дальние родственницы древних антропоморфных фигурок, домашних божков и талисманов. До сегодняшнего дня у многих северных народов куклы, которыми играют маленькие девочки, сохраняют свои сакральные функции: чем старше кукла, чем большее число раз переходила она от матери к дочери, тем больше ее сила, тем вернее она оберегает свою хозяйку от злых духов, помогает со временем стать матерью и хранительницей домашнего очага.

Кукла - одно из воплощений второго Я человека, и это уже без вмешательства каких бы то ни было сверхъестественных сил. Играя, ребенок наделяет куклу качествами, свойствами, умениями, которые не прочь бы иметь сам, и что главное, кукла - агент и доверенное лицо ребенка, действующее от его имени в созданных им игровых мирах. Воистину, скажи мне, какая твоя любимая кукла, и я скажу тебе, кто ты...

Длинноногая красавица Барби покорила детей всего мира. Маленькая девочка уже не баюкает куклу и не придумывает с ней свои наивные истории. Кукольная индустрия слишком хорошо предусмотрела все, что должно происходить с Барби и как с ней надо играть: Барби-дома, Барби-мебель, унитаз для Барби, гардероб Барби, boy friend для Барби, книжки-раскраски и компьютерные игры, буклеты о жизни Барби... Барби покупает только вкусные и полезные продукты, следит за фигурой, ведет светский образ жизни и очень занята: "...примерка платья прошла удачно... С утра сделала прическу и наложила великолепный макияж. Затем одела свое платье и не могла сдержать восторга. "Ты сегодня выглядишь потрясающе!" - сказал подошедший Кен"... Эти подсказки и инструкции к компьютерной игре задают систему ценностей, к которым приобщается ребенок. Детям должно стать совершенно очевидно, что хорошо и к чему следует стремиться. Хорошо - это красивый дом с бассейном, boy friend и коктейли, профессия манекенщицы или модельера... Это и впрямь не плохо... До противного очевидно.

Барби уже не просто милая кукла, но олицетворение целого образа жизни, согласно которому надо жить красиво и без проблем, ориентироваться на то, что престижно и модно, и успеть взятые от жизни и т. д. Барби не переживает, не конфликтует, не преодолевает трудности и не мечтает о чем-то недостижимом... Очень гладкий, предусмотрительный игровой мирок.

Но детская игра изначально вовсе не похожа на миниатюрный рай. В ней всегда сталкиваются противоборствующие начала - "хорошие" и "плохие", "свои" и "чужие", поощряемое и наказуемое, "казачки" и "разбойники"... Более того, детская игра чутко реагирует на конкретный историко-культурный контекст, и в той или иной мере она - своеобразный портрет эпохи. В архаичных обществах, раскрасив тела, дети играют в участников священных церемоний; в городах с интенсивной коммерческой жизнью появляется "Монополия"; в поселках рядом с местами заключения дети играют в конвой и осужденных... Дети играют в то, чем живут взрослые. И Барби - не исключение. В игре с Барби с обезоруживающей непосредственностью представлена вся шкала ценностей, присутствующих во взрослом мире, только в более закамуфлированном виде. В Барби-индустрии отразились даже совсем уж взрослые "игры" в лояльность и политкорректность, появились чернокожие Барби и Барби в инвалидной коляске...

Популярность этой игры делает "героями нашего времени" благопристойную Барби и ее друга Кена, а беззаветная дружба Кая и Герды становится атрибутом сказки наравне с волшебством. Роскошь Барби напоминает искусственного соловья из сказки Андерсена, прекрасного и сладкоголового, но не способного подменить маленькую серую птичку, живую и непредсказуемо разнообразную.

Бесконфликтность игры в Барби, отсутствие какого-либо напряжения и даже намек на сильные эмоции, ведут к тому, что из поля зрения маленькой хозяйки Барби выпадают очень важные стороны человеческой жизни. Благополучный образ затмевает куда менее очевидные ценности, те самые, про которые ненавязчиво повествует сказки про Золушку, про Иванушку-дурачка, про путешествия за тридевять земель, где герой за все платит своей жизнью. Надо семь пар железных башмаков стоптать, три посоха о дорогу сточить, все наказания исполнить, и тогда только желание заветное сбудется. Победить дракона можно, только победив свой страх. Волшебный дар достанется тому, кто сумел пожертвовать самым необходимым. Тот, кто пожалел кошку, мышку, шуку, деревцо, обретет волшебного помощника, кто прошел мимо - останется ни с чем. Одолевая трудности, герой преодолевает самого себя, становится другим. В этих сказках - накал страстей, зона неизвестности, которая ужасает и манит одновременно, в них нет неодушевленных предметов и слышны голоса вещей. В них "зашифрованы" архетипические образы добра и зла, счастья и потерь, жизни и смерти, которые, прорастая в человеческом сознании (или бессознательном?), связывают в единую цепочку прошлое и будущее.

Даже такой интимный процесс, как конструирование своего второго Я при помощи куклы, Барби-индустрия не оставила без внимания. Предусмотрен стандартный набор кукольно-детских мордашек, которым по заказу придается сходство с их будущей хозяйкой: цвет глаз, цвет волос, кудрявые или прямые, светлые или темные... Играй на здоровье со своей маленькой копией. А если в воображении ребенок видит себя совсем не таким, как в зеркале?

Играя в Барби, дети приходят "на все готовое". Идеально организованная игра обедняет фантазию. Условия игры - это те же "ограничения степеней свободы", рамки, в которые должен вписываться игровой мир. Барби-астронавт и Барби-модница с детальнейшей экипировкой напоминают то, что Алексеем Николаевичем Леонтьевым было названо квазиигрушкой, игрушкой, назначение которой четко предусмотрено. Например, акробат, вращающийся на турнике. "Ребенок с восторгом смотрит на [него] некоторое время, затем забрасывает... В... более счастливом случае... догадывается отделить акробата от турника..." То есть ломает и начинает созидать игру.

Дети пяти - семи лет легче высвобождаются из пут игровых стереотипов, чем девятилетние. Для малышни элегантные наряды и романтика коктейль-пати еще не обрели самоценности и особой привлекательности. Они относительно легко пресыщаются предоставленным в их распоряжение великолепием и начинают свою игру. Например, отправляют Барби в путешествие на "воздушном шаре" - усаживают ее в коробку из-под торта и подвязывают к целлофановому пакету: интересно, как она полетит со шкафа, а из окна?.. Или кромсают свой носовой платочек: Барби едет на бал, ей плащ нужен красивый-прекрасивый... И тогда освобожденная игра оживает и становится творчеством маленького человека.

Думаю, что кукольная индустрия могла бы быть не столь настойчивой в пропаганде умеренного и красивого образа жизни. Дети и сами не обошли бы вниманием все эти ценности, активно тиражируемые в средствах массовой информации. Придумали же они игру в персонажей мыльных опер, самостоятельно, без подсказок.

Не подумайте, что я против Барби: детей необходимо баловать. Даже если мы все будем делать для них и за них, рано или поздно они все равно станут взрослыми. Но не надо за них придумывать игру и фантазировать - потери от этого невозможны. Сама-то Барби совсем не плохая. Какие у нашего времени идеалы и стремления, такая и Барби - кивать не на кого. Просто "в ней точно отразился век и современный человек..."

Следующий, куда более агрессивно покушающийся на мир детства шаг игровая индустрия делает, создав тамогочи. Это принципиальный шаг, отлучающий детскую игру от мира культуры в целом, от живого человеческого общения. Это шаг в направлении выхолащивания из мира детства полета фантазии и чудесных превращений знакомых предметов в игровых персонажей. Здесь ребенок начисто лишен права на придумывание собственной игры.

С тамогочи игра не задана, а дана. Ребенок получает постоянного виртуального партнера для игры, а игра сводится к взаимодействию с компьютерной начинкой игрушки. Более того, она организована по классической бихевиористской схеме "стимул-реакция". Нечто пушистое и мягкое с процессором внутри хочет пить, есть, спать, требует внимания и ласки, уютно урчит и общается в любви... Все это своеобразные стимулы, адекватно которым ребенок должен реагировать, иного обращения это виртуальное существо не переживет. Тамогочи затягивает, дети могут привязаться к виртуальному подопечному, пережить стресс от его "кончины" А в Интернете тем временем появляются виртуальные кладбища тамогочи-дуц.

Что же рождает тамогочи: любовь или квазилюбовьответственность или квазиответственность?

Дело не только в том, что ситуация предельно искусственна, что взаимодействие плоско и начисто лишено тех оттенков, что присутствуют в любом живом контакте, в заботе о котенке или ребенке по сверстнику. Внимательно рассмотревшись, можно увидеть, что эта игровая новинка построена по хорошо знакомому всем психологам принципу удовольствия: только положительные эмоции от "деланного дела" и воркования дружелюбной игрушки, если, конечно, соблюдать правила... Любая забота исчерпывается нажатием соответствующей кнопки. Никаких специальных усилий, никакого поиска нестандартных решений, никакой непредсказуемости... Встреча с неудовольствием блокируется правилами тамогочи, плохое выносится за ее пределы. Делай, как тебе сказали, и тебе будет только хорошо.

Виртуальная дружба не очень обременительна и абсолютно предсказуема, разногласия и неблагодарность исключены, забота и привязанность прямо пропорциональны отдаче, ничто не происходит вопреки душевному комфорту. Не надо самому принимать решений, делать что-то в ущерб себе, вопреки собственным интересам, но во имя любимого существа. Модель мира, из которой исходили создатели тамогочи, не предполагает подобных сентиментальных излишеств. Польза от них не очевидна, а беспокойство огромно.

Игровая активность, которая, по сути своей, избыточна, иррациональна, свободна от стереотипов повседневности, здесь втискивается в идеально рациональную схему. При затуевании, преданности, в любовь... И маленький человек без какого-либо жизненного багажа свой первый опыт обретает с компьютерной игрушкой, приучаясь следовать строгому протоколу взаимодействия и избегать любых негативных моментов. Тамогочи не предполагает ни рефлексии, ни взгляда на себя со стороны, ни сложностей, возникающих в процессе обычного человеческого общения... Трудно сказать, чего больше несет в себе тамогочи - ухода в себя или бегства от себя. А может быть, и нечто следующее: "программирование" способа взаимодействия ребенка с миром...

В том-то и дело, что виртуальный мир способен вызвать к жизни вполне реальные чувства - чувства, которые становятся частью внутреннего мира личности. Опыт виртуальных переживаний переносится на реальную жизнь. Но рожденные виртуальным миром, они хранят на себе отпечаток игровой условности: любой промах поправим, в крайнем случае можно все начать сначала, очередь создается строго ограничена игровыми правилами и так далее... А, зато вначале, очеретность, создает нечто иное и дружбу, привязанность и ответственность, то есть "вылепливает" совершенно иного человека...

А если ребенок, заигравшись, так и не узнает ни иной привязанности, ни иной ответственности? Если тамогочи поглотит и игру в "дочки-матери", и ту же Барби? Какими вырастут маленькие мамы и какие у них будут дочки?..

Детские игры - это весьма своеобразный портрет времени, так как в нем присутствуют и черты настоящего, и черты будущего. Игры, в которые играют дети, не что иное, как "социальный барометр", показания которого необходимо учитывать и при построении глобальных прогнозов развития общества, и для понимания дня сегодняшнего. |

КАК МЫ ВОСПИТЫВАЕМ... | Владимир Познер

У меня двое детей и трое внуков, но начну я с того как воспитывали меня самого. Я вырос в семье чрезвычайно строгой. Мама не то чтобы все прощала, но во всяком случае защищала меня, а вот отец был, по крайней мере в доме, "диктатором", не принимавшим возражений. Позже я много думал об этом и мне кажется, что он хотел, чтобы дети были похожи на него. Может быть, это связано его детством, с тем, как воспитывали его самого. Ведь и я, когда появилась дочь - мой первый ребенок, стал вести себя с ней так же, как когда-то вел себя мой отец - я оказывал давление.

К счастью, достаточно рано я понял, что совершаю страшную ошибку. Мне помог мой собственный опыт: я помнил, как сопротивлялся давлению со стороны отца, кстати, человека и блистательного, и умного, и несомненно любившего меня. Я помнил, как не желал подчиняться ему и какими сложными были наши отношения на протяжении очень и очень многих лет. Благодаря этому опыту, я вовремя опомнился и понял, что с самого первого дня важно понять, что твой ребенок прежде всего человек, требующий человеческого отношения к себе, в первую очередь уважения. Ум - функция не возрастная. Я вижу детей, которые умнее пятидесятилетних людей. Они не опытнее, но несомненно умнее.

Перед детьми у нас есть определенные обязательства. В какой-то момент мы должны суметь сказать им - нет, объяснить, что это - опасно, может очень сильно повредить, но, запрещая, ограничивая их, всегда исходить из уважения к ребенку.

Независимость, чувство свободы, чувство собственного достоинства - для меня главные качества, которые должны возникнуть в ребенке. Человек, который растет с этими чувствами, уважает других людей, потому что прежде всего уважает себя, он уважает свободу, потому что сам свободный человек, он уважает независимость, потому что он сам независим. Раб не может уважать независимость, более того, он ее боится и ненавидит свободу. Освободившись, он тут же старается стать начальником, превратить других в рабов. И в этом его рабская психология. Независимость, чувство свободы, чувство собственного достоинства - для меня главные качества растущего человека. Другие качества - доброта, честность становятся естественными для ребенка, если дома в течение первых пяти - семи лет своей жизни он видит доброту, честность в отношениях между родителями, их друзьями и по отношению к себе самому.

Так я воспитывал своих детей. К сожалению, внуков вижу гораздо реже, но за них не беспокоюсь, потому что знаю какими выросли мои дети - их родители, знаю как теперь они относятся к своим детям.

Детская песочница - мелкий бытовой момент, но я всегда учил сына и дочь: если тебя просят, дай поиграть, если отнимают, не прося, - не давай.

Дети полностью оправдали мои надежды. Да и у моей жены мало такой чистой радости, как наши дети. Они уже взрослые люди. Дочери в этом году будет сорок лет, сыну - тридцать девять и нас с женой они радуют именно тем, какими людьми стали.

Дочь - композитор и пианист, сын - журналист, хотя сейчас занимается скорее производственной стороной телевидения. Раньше он был телевизионным журналистом. |

ДЕТИ КИТЕЖА

Анатолий Цирульников

Анатолия Цирульникова трудно отнести к кабинетному типу ученых, хотя он - доктор педагогических наук, профессор, автор десяти книг и учебных пособий. В не меньшей, а может быть большей степени, Анатолий Цирульников - известный педагогический писатель, журналист, человек, которого интересуют необычные встречи и неопознанные педагогические "объекты", возникающие на стыке школы и жизни, прошлого и современных новаций.

Первое, что мне тут понравилось, - нет фанатов. Никто никуда не тащит. А живет в свое удовольствие. Радуетса полноте жизни. И то главное, ради чего они собрались, получается не натужно, а как бы между делом.

А что - главное?

По-моему, это история не столько о приемных родителях, сколько об обыкновенных. В них проблема. Если все могут быть родителями, откуда тогда столько бездомных детей? Быть обыкновенным родителем, казалось бы, проще простого, а, оказывается, трудно. Непонятно, чего не хватает - времени, денег, ума, души...

Идею Китежа Дмитрий Морозов озвучил в начале девяностых. На радиостанции "Маяк", где Морозов работал комментатором-международником, посмотрели на него как на сумасшедшего, но дело поддержали, устроив марафон для сбора средств на строительство поселения. Былинную общину - семейный детский дом - назвали Китежем. На призыв откликнулись несколько энтузиастов. В 1993 году, получив землю, они поселились в ста километрах от Калуги.

Место было совершенно голое...

Посреди лесов и полей

Не скажу, что теперь, шесть лет спустя, их поселение воспринимается как нечто обыденное. Хотя почта в Китеж поступает исправно, даже без упоминания соседней деревни Чумазово. Среди лесов и полей приезжий видит такую картину: с десяток срубов, школа, церковь, ферма, пасека... Может быть, не чудо-град, но и не обычная русская деревня с поставленными в один ряд избами, так что с одного конца не видишь другого. Китеж расходуется кругами, и каждый - часть целого.

Основатель поселения - кандидат исторических наук, востоковед Дмитрий Морозов - счастливый отец младенца, названного в честь Рериха Святославом. Когда я приехал в Китеж, Морозов кормил его из соски. Между делом рассказав. Внешние признаки общины: совет, бесплатная столовая и баня ("парнуха" по-здешнему), отсутствие денег, прием в общину до сорока лет, испытательный срок, дружелюбие, но не панибратское отношение друг к другу, от мала до велика на "ты" - напоминают кибуц ранней стадии развития. Но лишь отчасти - Китеж создан для другого. У взрослых нет денег, а у детей есть: местная валюта "княне" конвертируема в рубли. Действуют аукцион, бар (чтобы научиться держать себя в обществе), магазин, где торгуют тортами собственного приготовления. Дискотека и кино тоже платные. Подростки, которые их проводят, расплачиваются за аренду помещения. Существуют три банка. Один обанкротился, дав прекрасный повод объяснить детям, что такое "черный четверг". В Китеже хотят, чтобы ребята были подготовлены к реальному миру.

Мир же, в котором живут китежане, отличается от обычного лишь одним - они тут счастливы. Это видишь по лицам, по свету, по голосам, атмосфере такой любви и доверчивости, как будто над ними купол, оберегающий от ненависти и злобы. Тут и природа такая - непуганые птицы, "краснокнижные" звери и растения, огромный заросший парк, бывшее барское имение - место их обитания.

Здешние края - вотчина князей Барятинских, один из которых, генерал, говорят, пленил в прошлом веке Шамиля и привез в Калугу. Морозов считает, что это место с Чечней - на "историческом острове". От войны - не этой, а еще той, Великой Отечественной, - весь парк в глубоких, медленно зарастающих воронках. Бывшие детдомовцы, когда парк очищали, находят гранаты, мины. Благоустривают территорию благодаря гранту Института устойчивых сообществ. А так - раздолье, буйство зарослей, на одного человека целый мир. Природа лечит.

"Том Сойер идет", - кивнул Морозов на некое существо с натянутой на голову майкой и вытянутыми вперед руками, идущее на ощупь по тропинке. При нашем приближении существо, не сбрасывая майки с глаз, издало радостный вопль. "Полгода у нас Андрюша, - объяснил Морозов, - в сравнении с ним вождь краснокожих - детский лепет".

"Вождь" последовал за Морозовым, а я вышел на поле и познакомился с пятиклассником Лешей Молчановым, который пас китежское стадо. Делал он это по воскресеньям (одна из заповедей Китежа - "добро не имеет выходных"). Леша сразу стал звать меня на "ты" и рассказал про характер коров: белая - самая бодливая. Коровы паслись рядом с "Химерой", к которой мы еще вернемся. Это летняя школа друзей Китежа, вундеркиндов из колмогоровского интерната. После них остались вычищенный пруд, длинный битый стол для занятий, кострище и место для палатки. Черная, мохнатая, с оранжевыми и белыми пятнами бабочка села на стол, сложив крылья. Пастушок Леша Молчанов потрогал ее пальцами - вот чудо, она вздрагивала и не улетала, а потом вдруг раскрылась.

Я не стал Лешу расспрашивать, откуда он.

Аист принес

Попадают они сюда по-разному. Бывает, милиция привезет: куда его, в колонию или к вам? А так сами ездят по детдому, рассматривают. Лариса Аксеновских, ответственная за подбор и оформление детей в Китеж, говорит, что принять в семью сироту не так просто. Вроде ребенок тебе понравился, а документов нет или отец в тюрьме. Если ребенок свободен от родителей, можно брать его в Китеж. Но отенок не свободен от своих родителей. Отец вернется из тюрьмы и может забрать ребенка. Или не заберет - попадет в тюрьму снова.

У них есть такое выражение: "взять на пробу". Это значит: когда ребенка в Китеж привозят, ему сразу не говорят, что теперь он будет чей-то. Просто приехал в гости, может погостить и вернуться. Но если между взрослым и ребенком проскакивает искра чувства, вот тогда спрашивают: "Хочешь жить с нами?" "Без любви ничего не делается, - говорит Лариса. - Любовь и доверие - вот что главное. Чтобы у ребенка возникло чувство привязанности к взрослому. Чтобы поверил, что его любят".

А то, что он в приемной семье говорит через три дня "мама" и "папа", - это еще ничего не значит. И в обыкновенной - не значит. Ребенок приходит сюда с недоверием к себе и миру. У каждого искверканная судьба, за каждым - мир ненависти. Как вылечить?

Иван Гошов, психолог-волонтер (есть в Китеже такая категория добровольцев), рассказывал про игровую терапию. Есть такая большая кукла, ребенок надевает ее на руки и на ноги, и получается уже кто-то другой. И с ним можно разговаривать, высказывать то, что тяжело выговорить родителям, тем более неродным ("это опасность второго изгнания из рая"): на что я обижен? почему я злой? Нужно, чтобы ребенок выговорился.

Одна девочка, когда с ней занимались этой терапией, рассказал психолог Иван, вот что сделала. Мысленно положила на пол воспитателей детдома, откуда была. Здесь, сказала, лежит Марья Ивановна, тут - Виктор Петрович. Потом взяла игрушечный меч и начала им ноги рубить. "Что ты делаешь?" - спросил психолог. Она ответила: "Я не хочу, чтобы они пришли и забрали нас".

Так отсекается прошлое.

А лекция тут не срабатывает, объяснял мне китежскую педагогику один из ее создателей, Дмитрий Морозов. Если ребенка били в милиции по почкам, то лекция не срабатывает. Ребенок просто должен прожить год в атмосфере абсолютной любви. Он должен оттаять...

Поэтому, чтобы стать приемным родителем, надо пройти огонь, воду и медные трубы. Год испытательного срока. Дети за этот год человек доказывает способность находиться в гармонии с окружающими детьми и взрослыми (человека, который не любит взрослых, в Китеж не возьмут) и не выходить из себя из-за неправильного поведения детей, тогда у кандидата есть шанс остаться в общине. И он получает главную привилегию - право брать приемных детей.

Словом, чистилище перед раем (одна из заповедей Китежа: "Приемный родитель подобен небу, его должно хватать на всех детей").

Я бывал в семье Ларисы и Андрея Аксеновских. Пока разговаривали, сидя за круглым столом, где помещается двенадцать человек, в комнату то и дело заглядывали дети, и каждый дарил маме цветок. Вышел букет.

Когда Лариса сюда приехала, еще ничего не было, стоял в лесу один дом, а она почувствовала - ее. До этого, говорит, металась, пробовала то, это, но покоя не было, а тут такое ощущение, что попала в ячейку, ей предназначенную, нашла то, для чего рождена. Ей предложили остаться. Через год она взяла Танюшку.

Потом приехал Андрей, и когда стало ясно, что они поженятся, Танюшка стала ревновать ужасно. А перед самой свадьбой вдруг резкая перемена - такая счастливая, как будто сама замуж выходит. Сразу после свадьбы в ноябре взяли Женьку, ему было четырнадцать, а в январе - Машу, ей было семь. Женька к своему возрасту отучился полтора класса, а Маша тоже очень сложная, у нее постоянно были истерики, и больше года прошло, прежде чем они стали стихать.

Потом взяли Наташу. В детдоме у нее было четверо сестер и братьев, все с тяжелыми психическими заболеваниями, а эта, рассказывает Лариса, - такая девочка чудесная, единственное - не произносила пять букв, но через два месяца заговорила.

Все дети удивительно похожи на Ларису. Девочки такие же мягкие, женственные. Мы сидим за большим круглым столом и рассматриваем семейные фотографии. Свадебные, праздничные, среди цветущего луга. Фотографии счастья.

Привыкнув к постоянно несчастью, мы забываем, как бывает иначе. Что это возможно для обыкновенных родителей и детей - жить, испытывая радость сегодня, каждую минуту. Выйдя из дома Ларисы, я увидел аиста. Он стоял в поле, потом взмахнул крыльями и полетел. Скоро, наверное, еще кого-нибудь принесет.

Школа без масок

Утром детям дают высказаться. Потом все встают в круг: "Мы - пльвущие облака, растущая трава, мы - часть всего, и все - часть нас..." (впрочем, эта древневосточная зарядка, которую проводит Морозов, больше для взрослых, дети предпочитают просто бегать и прыгать). С девяти-десяти до часу дня - уроки, потом час футбола, карате или танцы. После обеда еще один урок и полтора часа обслуживания Китежа (вода, дрова, ферма), потом - жевание, резьба, куклы... После ужина что-то вроде самоподготовки - с книгой или в форме ролевой игры: в вечернее время не напрягают голову, но переживают эмоционально. В девять - час общины: игры со взрослыми, пение у свечи, стихи или ролевой фильм. В десять - одиннадцать - отбой (но еще час разрешается не спать, если хорошая книжка; маленьким читают взрослые).

Где во всем этом школа - сказать непросто. То есть как помещение вот она - на полянке избушка с вырезанными на фасаде буквами: школа. И в ней то, что положено: счеты, глобус, кристаллическая решетка, все вперемешку. Но традиционных проблем, семьи, родители. Конечно, приходя в школу и становясь учителями, родители делают все что положено: задают на дом, спрашивают, даже порой ставят двойки, но дети относятся к этому спокойно, понимают, что дома за это не подвешат за ноги. Когда взрослые надевают маску и не играют, то в учителе, то в ученике, а просто живут вместе с детьми, вечная антитеза семьи и школы отсутствует. К тому же часть уроков проходит в Китеже по домам, у разных мам.

Директор школы Наташа Харламова занимается перепиской с районо. Проверяющим отнуда все это не может нравиться, но их тоже надо понять: китежская школа не отвечает нормативу. Она может трижды числиться государственной, а на самом деле - общественно-домашняя. Почему родители решили стать учителями? Потому, объясняли мне, что для них главное то, чего казенный учитель дать не может. Я вспомнил отчаянные письма матерей к министру народного просвещения России в начале века. И проекты - "Материнский элемент в программе школы. Объяснительная записка: литургия как отречение, опыт образного эмоционального преподавания, практические домашнее освоение языков, живая речь, развитие души". Как это все дать без родителей? Поэтому и знания тут ценятся лишь такие, которые пропущены через сердце. И атмосфера совсем другая. А в педагогике, ее принципы: учителя принимают учеников такими, какие они есть, основа взаимоотношений - интеллигентность и взаимное доверие, сотрудничество во всем, включая создание школы.

Это я уже цитирую методический материал под названием "Жизнь и удивительные приключения Химеры в Китеже". В качестве приложения к нему идет курс для студентов педвуза с такими, например, темами: "Эдем (рай) - первая школа человечества", "Смысл воспитания - обеспечить связь добра и свободы".

Все это здешняя педагогика и образ жизни. "Химера", возникшая еще в комсомольские калужские леса и болота заселяются преподаватели и студентами разных московских вузов, учениками знаменитого колмогоровского интерната, "уменьшими ботаниками", как называет руководитель "Химеры" Вячеслав Загорский юных лауреатов олимпиад из российской провинции. Про уровень интеллектуальной среды, в лауреатов погрудно из китежские воспитанники, говорить нет необходимости. День пребывания в такой школе идет за три.

Основной метод, используемый в условиях дикой природы, вписан у костра, стройотрядовских дел, в которых в Китеже недостатка нет, - взаимное обучение. Подтверждается, что студенты и школьники - лучшие преподаватели, чем доценты. Да чисто психологически: одно дело, говорит Загорский, дядя с бородой втолковывает, что ученье - свет, и совсем другое, если почти ровесник с юношеским пижонством рассуждает, почему при подъеме бревна на сруб блок выгоднее рычага.

Задачи в "Химере - Китеже" решают реалистичные, одна запомнилась. Дано: мешок, который дети приволокли с заброшенного деревенского кладбища, - определить по химическим реакциям, что там?

Что там за кот в мешке, именуемом жизнь, школа, педагогика... Что их в действительности интересует, умных и не очень, легких и трудных (трудных, может быть, потому, говорят в "Химере", что много знают и этим раздражают учителя)? По данным учебы любят работать топором, замечают в Китеже, а мы не даем им строить? Или данным проведенного здесь опроса (какие курсы, в баллах - "понятны", "полезны", "интересны"), помимо пиротехники и сексологии (ну, это понятно), их привлекают, что понятно меньше, философия науки, история древнего мира и, что уж совсем неожиданно и непонятно, - как устроена современная Россия.

А как она устроена, кто это знает и может объяснить?

Центр Барятинского района

Про Китеж теперь знают не только в районе, но и в области. Я добирался на перекладных с другого конца, и попутчики указывали дорогу. Община, но не монастырь, Китеж открыт для тех, кого называют друзьями. Они разные - вундеркинды Загорского и сотрудем Шалвы Амонашвили, бизнесмены и психологи, фотографы и политики, но всем им зачем-то нужен Китеж и они едут.

Предпринимателя Владимира Бухардинова за живописную внешность дети прозвали Карабасом-Барабасом. На самом деле Бухардинов - добрый гений китежского хозяйства. Володя говорит про себя, что он - старый конь, все испробовавший, потерявший веру в страну и необходимый ее здесь. По словам исполнителя замечтыва "Китежа-агро", тут есть все необходимое для успеха: триста гектаров земли, видалько прослышал и благословил. И вот теперь строитель Михаил учится заочно в семинарии и будет тут священником.

Дурные люди по определению в Китеже не притягиваются, объект не тот. Можно даже предположить, что друзья Китежа - это лучшие представители окружающего его мира. Протаптывающие дорожки сюда и обратно, чтобы, оказавшись в миру, дети обретали лучшее, а не худшее в нем. И не только в мире - вообще в мире. Психолог Лайош из Великобритании, побывав в Китеже, нашла в разных странах пожилых людей, желающих иметь племянников и внучат. Теперь у Наташи Аксеновских есть крестная мать, преподаватель колледжа из Англии, у Маши - бабушка, архитектор из США, у Жени - дядюшка, психолог из Шотландии. Почти во всех семьях у детей появились родственники за границей, с которыми общаются, переписываются по Интернету, ездят друг к другу в гости, и, значит, дети Китежа уже живут в открытом обществе.

Может быть, вообще Китеж - ключ к нему? Но это высокая нота, а в километре отсюда есть деревня Чумазово. Для нее-то что такое Китеж - мираж среди калужских полей и лесов? А это как посмотреть. Мне рассказали, что для нужд местной фермы ищут крепких мужиков по деревням. Человек десять местных мастеров, фермеров уже работают в китежском хозяйстве. Попадая сюда, не пьют, не сквернословят. Что для них Китеж среди всеобщего раздора и разруба - рабочее место? - спрашивал я людей. "Надежда, - отвечали мне, - что не надо никуда уезжать, тут жить можно".

Пожалуйста, люди, не уезжайте, не укоряйте. Вот будет скоро храм Божий, единственный в Барятине, - тоже для кого-то надежда. И летняя школа МГУ - единственная надежда для учителей района. И Китеж - для детей... И выходит, живут себе люди, строяся понемногу, а получается чуть ли не центр Барятинского района. Что такое Китеж: социальный эксперимент, педагогика, педагогический район?

Собрались люди, несущие ответственность за себя и еще за кого-то, и строят жизнь, но не для кого-то, а для себя, как понимают и как хотят, и, оказывается, это возможно. Оказывается, и всего-то нужно: не трогать людей, не пытатьса народ спасать. И он сам спасетса, и накормит, и научит.

Анатолия Цирульникова трудно отнести к кабинетному типу ученых, хотя он - доктор педагогических наук, профессор, автор десяти книг и учебных пособий. В не меньшей, а может быть большей степени, Анатолий Цирульников - известный педагогический писатель, журналист, человек, которого интересуют необычные встречи и неопознанные педагогические "объекты", возникающие на стыке школы и жизни, прошлого и современных новаций. |

КАК МЫ ВОСПИТЫВАЕМ

Александр Адабашьян

Все родители хотят видеть детей похожими на себя. Мы надеемся, что они станут такими, как мы, только лучше.

Для меня всегда был очень важен опыт моих родителей: они считали, что нельзя давить на ребенка ни в выборе профессии, ни в выборе друзей. Дети должны сделать выбор самостоятельно. Странно звучит, когда взрослый человек говорит: "Родители хотели меня видеть врачом" или "Родители мечтали, чтобы я стал военным".

Для начала человек должен сам себя кем-то увидеть. Взрослые всегда исходят из своего опыта, а чужой опыт, как известно, ничему не учит. Хотя воспитание необходимо, в том числе и как некий ограничитель. Нужно и можно объяснять самые простые вещи. И то, что нельзя засовывать пальцы в розетку. И десять заповедей.

Любой выбор наших детей имеет право на существование. Моя старшая дочь, например, свой выбор сделала: в Московском университете изучает историю Византии, церковнославянский язык, латынь. Когда она выбрала новое отделение - византинистику, я сказал, что, если буду жив, конечно, помогу "по блату" после окончания университета устроиться продавать билеты в Пушкинский музей. А что еще делать с таким образованием? Но на самом деле я понимаю, как важно, когда у человека есть любимое дело. Мой папа тоже объяснял, что моя профессия сложная, что она не дает верного куска хлеба. Но моему выбору не мешал. И я ему благодарен. |

ПЕЙЗАЖ С УХОДЯЩИМИ БРЮКАМИ

Владимир Петрушов

- тридцать семь лет. Когда-то ушел с четвертого курса исторического факультета МГПИ им. Ленина. Любимым делом считает историю и искусство. Особенно любит детские книжки с картинками. В свободное время рисует и пишет сказки про индейцев. Дочка учится в московской школе Александра Рывкина, ходит по театрам и читает Гоголя.

Бывает такое время. Утренняя тишина первого снега, глухой туман, холодно и батареи не топят... Бисквит с антоновкой ("перевертыш", "шарлотка") съедается в полчаса с чаем. "Крошечка Лесли Сидела на кресле И яблочный ела пирог. Но сзади к ней вдруг Подкрался паук..."

Бесконечный шоколад. Утка с яблоками, дробь на зубах. Яблоки печеные, безе кофейного цвета на пергаменте.

"...И скушал он куртку из вкусной котлеты, И звали его Вилли Вуд.
И съел он застежки из пряников сладких, из пряников сладких,
из пряников сладких, И съел он застежки из пряников сладких,
И звали его Вилли Вуд.
Затем проглотил он и плащ из пирожных,
и плащ из пирожных, и плащ из пирожных,
Затем проглотил он и плащ из пирожных,
И звали его Вилли Вуд".

До санок, лыж и горки еще далеко. Холодно дома.

Лечь спать - проблема. Под ребенкино одеяло кладутся всякие уюты, пижамные штаны в мелкий паровозик надеваются на обогреватель "Ветерок" и превращаются в дирижабль. Надутые горячим воздухом штаны... "...Но съесть он не смог колбасные брюки, колбасные брюки, колбасные брюки..."

Проверить, хорошо ли вытерты пятки после душа (они никогда не бывают вытерты хорошо), - и спать. Перед сном, разумеется, надо почитать. Бывает такое время.

Бывают такие книги. Ваш умный ребенок уже читает, но сам он не может осилить интересный для себя текст. ("Но съесть он не смог колбасные брюки, колбасные брюки, колбасные брюки".) Когда он начнет читать легко и много - огромное количество толстых книг станет ему неинтересным. Есть серьезные детские книги, обреченные быть прочитанными вслух. А "Рифмы матушки Гусыни" навсегда останутся в вашем литературном пейзаже фигурой уходящих вдаль колбасных брюк. "Гектор-Протектор Во всем был зеленом. Гектор-Протектор Предстал перед троном. Увы, королю не понравился он, И Гектор Протектор отправился вон!" Импозантный бедолага Гектор в обнимку с Человеком Скрюченные Ножки будет вечно околачиваться где-то рядом, но морда Муми Тролля уже лезет в дверь.

Теперь вы начинаете понимать, что существует не только Льюис Кэрролл, но и Клайв Стейплс Льюис - друг Толкиена, что "Ветер в ивах" читать надо обязательно, а вот классического "Карлсона" - нет, так как у Астрид Линдгрэн только "Эмиль из Лённеберги" и есть. Вы бегаєте по книжным лоткам, выискивая "Пятерых детей и чудище" Эдит Несбит, объясняете торговцам, что "Роликовые коньки" Рут Сойер - это не "Серебряные коньки" и что Том Сойер здесь ни при чем.

Вы читаете "Леди Джейн" Сесилии Джемисон (не "Джен Эйр") и "Поллианну" Эленор Портер, "Томасину" Пола Гэллико.

Кругозор несколько расширяется.

Постбольшевистские Шарль Перро и Андерсен теперь предпочтительнее их же до 1991 года. А вот полная (наконец-то!) Сельма Лагерлёф оказывается вдруг совершенно нечитабельной, и вы успокаиваетесь на сокращенном старом варианте. Вы грамотно и сознательно препарируете Кира Булычева и Успенского. Теперь вы видели жизнь - вас не проведешь на мякине. Еще есть Сергей Козлов (здесь кавалеры снимают шляпы, а дамы делают книксен и прочее) - Козлов, действительно, очень хорош. Это буддийски тонкий человек, едва ли не единственный не боящийся писать о смерти. А круче Туве Янссон с ее собственными картинками вы все равно ничего не найдете.

Из моих друзей только Давид Саакян, преподававший историю в Строгине, понимал что к чему. Он гордился тем, что подъезды на родине нарышкинского барокко были украшены именами Фродо, Бильбо и Гэндальфа (с его подачи). В круг чтения нормального человека обычно входят Лагин, Губарев и Барто - их в этом круге желательно оставить и не выпускать, занявшись хотя бы "Паутиной Шарлотты" и "Маленьким Стюартом" Элвина Уайта. Можно еще вспомнить "Тима Талера" и "Питера Пэна" - они были напечатаны на заре перестройки под одной обложкой с "Мери Попинс" в сомнительных переводах; позже Треверс появилась без купюр и вышел нормальный Барри.

Теперь вы понимаете, чем норвежские кобольды отличаются от гномов Парацельса и жителей холмов, и фэйри для вас - не название чистящего средства. В этот момент происходит чудо: на улице выглядывает долгожданное солнце, батареи начинают булькать, и по дому разливается блаженное тепло. Вы уже не чувствуете себя космонавтом Леоновым, покидая подъезд...

В один из таких дней позднего октября мы с дочкой отправились прогуляться. В песочнице, заваленной опавшими листьями, возились малыши с ведерками и формочками. Все как всегда. В листьях ползала средних размеров греческая черепаха, и дети с ней играли. Потом все стали потихоньку расходиться, мамы уводили детей, умело отвлекая их от игры какими-то посторонними рассказами и педантично собирая игрушки. Анька с большим интересом играла с черепахой. Поэтому я следил за уходящими, ожидая, когда хозяйка возьмут зверя домой и нам придется расстаться.

У черепахи была ярко-зеленая шкура на шее и лапах. И черные глаза. И хвост. И вот ее сейчас заберут хозяйка, а мы пойдем кататься на своем глупом скейте. В такие минуты остро чувствуешь, что жизнь не удалась и всё такое... Последней уходящей мамаше я честно напомнил, что она забыла черепаху. Та объяснила, что не забыла, просто черепаха - бездомная. В конце октября в Москве... Но в радиусе ста метров никто не бежал с криками типа "кис-кис" или "Шарик, домой!". Аня, конечно, стала объяснять, что животное не перенесет суровой русской зимы и попросту уже к вечеру черепаха даст дуба. Нетрудно догадаться, что я дал себя убедить в том, что черепахи не болеют бешенством и глистов у них нет. В это время я гордился собой и своим ребенком, я думал, что просвещение принесло чудесные плоды, что гуманизм и доброта стали неотъемлемой частью и прочее...

Я не хочу сказать, что потом Анька сварила из черепахи суп, но никакого принципиального участия в ее дальнейшей судьбе она (как всякий нормальный ребенок) не принимала. И в ряде других бытовых классически книжных ситуаций вела себя не лучшим образом. Со временем я догадался: книга - не малярная краска, прочитали ребенку хорошую книжку - он стал светлым. Чтение книжек перед сном - это просто способ сказать ребенку, что ты его любишь, это возможность почувствовать уют и тепло вместе. Вот и всё. А чтобы научиться кормить черепаху, нужно ходить в зоологический кружок.

P.S. Когда многочисленные дети одной моей знакомой приносили маме какие-то немислимые шутовины наподобие цепей из цветной бумаги для елки и спрашивали: "Мама, правда красиво?", Галя героически-честно отвечала: "Дети! Разве ЭТО КРАСИВО?" - и делала незабываемое выражение глаз. А дети, на самом деле, соглашались. Они начинали догадываться, что вещь, специально предназначенная для украшения чего-нибудь, не всегда хороша. Нарочитое украшение - еще не красота. Возможности полиграфии возросли, стало много книг с "красивыми" картинками. Будьте бдительны. |

ИСЧЕЗНУВШИЙ МИР ТАРАКАНИЦА

Борис сегаль, анастасия сегаль-кравцова.

- семья психологов по призванию и по профессии. Родом с факультета психологии МГУ им. М. Ломоносова, они сейчас живут и работают в Будапеште. Их основные интересы - этнопсихология, культурная антропология, практическая психология развития и психотерапия. С курсом лекций "Межличностный анализ этнических отношений" профессор Борис Сигаль выступал в ведущих университетах Европы и США.

Большое видится на расстоянии... / сергей есенин

Символическое изображение реальности, представление общественной жизни в виде событий мира животных является настолько древним, насколько древняя литература в целом. В баснях Эзопа орлы, конечно, не орлы, лягушки не лягушки, а лисы не лисы. Все перечисленные птицы, млекопитающие и амфибии являются носителями различных характеров одного и того же вида приматов - homo sapiens. Хорошо разработанная дидактика школьных уроков литературы убеждает в этом даже самых скептически настроенных читателей. Безусловно, символизм не ограничивается баснями; роман, хроника, эпическая поэзия и документальная повесть могут также содержать многочисленные элементы сравнений, аллегорий, гипербол и других форм символизма. Однако наиболее типичным примером символического повествования является, конечно, сказка...

... "Тараканище" не просто было издано в Советском Союзе громадными тиражами - это произведение стало детской классикой. Мы попытаемся произвести анализ некоторых символических элементов "Тараканища". Оговоримся: мы представляем рабочую гипотезу, отнюдь не свободную от произвольностей и противоречивых толкований. Вторых, мы убеждены в том, что содержание "Тараканища" настолько очевидно, что, наверняка, приводимый анализ был дан, а может быть и опубликован, многочисленными знатоками творчества незабвенного К.Чуковского давным-давно, и, возможно, наша гипотеза не является оригинальной. В-третьих, еще более очевидно, что сказка Чуковского - просто сказка про зверей, птиц и насекомых, написанная для детишек от двух до пяти, и никакого символизма в ней нет.

И все же "Тараканище". Ехали медведи на велосипеде, а за ними кот (задом - назад?), лвы, волки, жабы - все едут, кто как, но довольные, веселые и сытые. Общественное развитие выразительнее всего передается именно движением, а то, что различные социальные группы обладают различными средствами передвижения, вряд ли удивит исследователя общественной жизни. Скорее всего именно в этом и находятся корни общественных конфликтов, ибо те, кому досталась метла или стоячее место в переполненном трамвае, рано или поздно начинают задумываться: а собственно, почему не они, а лвы посматривают на мир из комфортабельного автомобиля? Но этот вопрос, возникающий достаточно закономерно в любой среде обитания, сам по себе еще не приводит к вооруженному восстанию против правителей животного мира. Он стимулирует интерес к пониманию и интерпретации общественного бытия, к общественному и индивидуальному прогрессу и эволюции, хотя и эти явления могут происходить достаточно турбулентно.

По-настоящему драматическое событие происходит неожиданно для всех: вдруг, из подполья (словами К.Чуковского, подворотни, то есть нелегального бытия) усатый великан. Именно вдруг, никак не вытекая из закономерностей предыдущей жизни. Это событие - явление Таракана - меняет все окончательно и бесповоротно - конец спокойной, сытой жизни.

Великан ли Таракан? Нет, конечно, если определить понятие "великана" традиционно и измерить Таракана, скажем, линейкой. Конечно, да, если серьезно отнестись к громко выраженной угрозе всех проглотить; даже не съесть, а именно проглотить. Представим себе зверя, способного проглотить бегемота или слона. Даже самый крупный хищник - динозавр-тиран, тираннозавр, живший на Земле за много миллионов лет до нас (случаен ли факт, что таракан является его и нашим современником?), высота которого достигала девяти метров, не сумел бы проглотить целого быка, а только разжевать его. Все же таракан, несмотря на свои скромные габариты, следует классическому рецепту и грозит проглотить зверей (как волк проглотил бабушку вместе с внучкой!), а звери считают эту угрозу вполне реальной. Настолько реальной, что парализуются страхом, теряют сознание и... начинают поедать друг друга. То, что внешняя угроза далеко не всегда мобилизует на борьбу с внешним врагом, а часто усиливает и обостряет не только страх, тревожность и депрессию, но и внутригрупповые конфликты, например, борьбу за собственность или за место под солнцем в целом, - общеизвестная социально-психологическая закономерность. Решающим моментом является система внутригрупповых докризисных отношений. Как внутривидовые, так и межвидовые напряженности и конфликты сделали координированную борьбу с общим врагом практически невозможной. Отвечая на призыв Гиппопотама, звери кинулись в бой гурьбой хоть и мощной, и веселой, но без единства, соответствующей подготовки и организации. Результат оказался предсказуемо плачевным.

Крайне важным представляется краткий психологический анализ разработанной Гиппопотамом системы мотивации. Духовный лидер призывает к борьбе со злодеем, обещая наградить участников - не победителей, даже не надеясь на победу! Не надеясь на победу, не одержать ее. Вот и не одержали. А что является обещанной наградой? Еловая шишка для обозначенных действующих лиц никакой прямой утилитарной ценности не представляет, то есть эта награда является явно символической (типа Кавалера, Героя или Лауреата), но содержит элемент материального поощрения типа, например, бесплатного проезда - любимой формы помощи ветеранам. Достаточно ли это для мотивирования на смертный бой? Как оказалось, не достаточно.

Иначе обстоит дело с двумя лягушками. В данном случае речь идет, конечно, не о дополнительном питании воинов, а о спецпайке совсем иного, скорее всего сексуального, рода. Вряд ли был Гиппопотам психоаналитическим теоретиком, скорее практиком и хорошо знал мир своих героев. Но и этого оказалось недостаточно: Эрос может только дополнить, но не заменить Стратегию и Тактику глазомер, быстроту, натиск.

Поражение на поле брани заставило задуматься: как жить дальше? Меньшинство решило эмигрировать. Большинство предпочло непротивление злу. Желание спрятаться, быть ниже травы становится всеобщим. Однако помогла ли, обеспечила ли выживание эта форма приспособления? Нет, конечно. Что она обеспечила - это постепенное вымирание. От Таракана не спрятаться, не убежать, его зловещая тень повисает над миром. Спокойно, неторопливо, осознавая и наслаждаясь властью и безнаказанностью, Усатый уже не грозит, а, так сказать, предлагает: несите мне все самое ценное, самое дорогое для вас, все принадлежит мне! И от этого кошмарного "предложения" злодея не отвернуться, не отказаться. Можно выть, реветь, рыдать. Злого обжору слезами не тронешь. Он жрет и добавим от себя - с улыбкой поучает: жить стало лучше, жить стало веселей. Не забывает Таракан и о своем интернациональном долге: тараканы всех подворотен, объединяйтесь! Вот так и жили три четверти века...

Привыкли. Вдруг - Кенгуру. Кто Кенгуру? Да никто, Гость издалека, Голос. Носитель разума, носитель чувства, нормального, не требующего перевода человеческого чувства: таракан - не великан, вы, великаны, раздавите козьявку! Но страшно. Что ты, что ты, кенгуру, великан он, еще какой великан, лучше промолчать. Да, сейчас нам не так уж хорошо, но будет еще хуже. Тебе легко: сегодня ты здесь, завтра там. А с нами что еще будет? И не верил гениальный автор Тараканища, что слоны и бегемоты раздавят козьячку, куда им. Свобода придет издалека, принесут ее нам на тарелочке, самим не добиться. И здесь кончается быль, хроника событий, реальность, непосредственно воспринятая Автором.

Впервые в сказке - сказка: маленький, слабый, далекий Воробей дарует свободу большим и сильным слонам, носорогам, волкам и медведям. А почему? Ему-то все равно, он ведь далеко; ему ни лягушек, ни шиша (или шишек) не обещали. Да, воробей - настоящий альтруист, романтик... ангел? Нет, не ангел, а наша вера в светлое будущее, наш Спаситель. Стало ведь традицией изображать святых в птичьем лике, даже Святой Дух предстает в виде голубя. Но - воробей? А почему не орел, сокол или, хотя бы, птица-секретарь? Как же не продумал этот момент автор сказки? Куда приятнее и куда больше тешит нашу манию собственного величия благородная (хоть и глуповатая, согласно данным этологии), царственная птичка. Но "Тараканище" создано Мастером, а Мастер знал наперед: для Таракана будет достаточно Воробья.

Финал: безудержное веселье, не знающая пределов радость, восторг. Как будет хорошо, настанет нескончаемый, ничем и никем не омрачаемый праздник свободы. Может, и замучило чудище множество бедных крошек, давно это было. В борьбе, последней, решающей, не было жертв, некого отпевать: боролись-то, слава Богу, не мы, боролся Воробей, которым мы так же безудержно восхищаемся, как боялись усатого злодея. (Сказано: не сотвори себе кумира, но мы не можем, не желаем без кумиров...) Итак, наступает долгожданный час веселья. Придется, правда, румяную луну колотить-приколачивать: мы родились, чтоб сказку сделать былью. Но это уже другая сказка.

Психоисторическая интерпретация сказки Корнея Ивановича Чуковского "Тараканище" осуществлена авторами специально для нашего журнала. |

"ВОТ ЧТО Я ДАВНО ХОТЕЛ СКАЗАТЬ ТЕБЕ..." анатолий берштейн

Учительство - перманентная влюбленность. Не любовь к детям вообще, а влюбленность во вполне конкретных детей. Это состояние, перерастающее в стойкое, ответственное чувство. В первую очередь, родительской заботы.

"Он нам как отец родной", - говорят дети о таком учителе. Как отец!

Учителя - отчимы для своих учеников. А те - их приемные дети. А в основе этих отношений - настоящая человеческая драма. Таким учителям твердят, что они забывают свое место - в конуре за учительским столом поближе к широкой классной доске. Их подозревают в комплексах и отклонениях от нормы. На них смотрят снисходительно как на блаженных. Их обзывают дилетантами и гордецами. Их обижают, напоминая порой об отсутствии собственных детей. Их обвиняют в безответственности и вмешательстве в чужие судьбы. Их оскорбляют, подозревая в корысти и низменных инстинктах.

А они всего лишь любят этих неродных родных детей. Всякий раз комплексуя, испытывая чувство неполноценности, требуя дополнительной родительской аккредитации, боясь нарваться на неожиданное и жесткое: "Какое вы имеете право?". Постоянно оговариваются: "Конечно, я понимаю, что не твой родной отец"... или "Может быть, я действительно не имею права?.." Но тут же добавляют по меньшей мере про себя: "Но это мое дело". Ведь как отчимы они поражены в правах, но не в обязанностях, не в любви.

Они не подменяют родителей. Они просто выполняют за них черновую работу.

Полтора слова

Люди в массе своей нуждаются в словах. В первую очередь - благодарственных. Во вторую - объяснительных или оправдательных.

Полтора слова - это когда надо почувствовать, что человек от тебя их ждет; это когда надо не полениться, не струсить, чтобы их сказать. И желательно вовремя. Обещал - не выполнил. Договорился - забыл. Опоздал - не смог. Приди и скажи полтора слова: "Извините, пожалуйста..." или "Так получилось...", "Очень неприятно, что вас подвел", "Не хотел вас обидеть..." Не молчи. Хотя бы промочи что-нибудь сожалеющее. Только не убегай. Тебя обвинят в первую очередь не в трусости, а в равнодушии. А это самое обидное. Лучше ругайся, спорь, даже говори те самые глупости, которых так боишься.

Помнишь, как в дворовом футболе: когда кому-то мяч попал в руки или кого-то ударили по ногам, но игра продолжается, кричат: "Заиграно". Не заигрывай. Объяснись. Восстанови справедливость.

Полтора слова - чтобы развеять сомнения, снять напряжение, рассеять обиду, продолжить отношения.

Полтора слова - такая малость, такой пустяк. Полтора слова - и залеченная душа.

Быть в курсе

Кто такой зануда? В известном анекдоте - тот, кто в ответ на вопрос "как дела?" начинает о них рассказывать.

Обращал ли ты внимание, что значительно уважительнее всегда выглядит конкретность: "Как твоя собака, выздоровела?"; "Со Светкой помирился?"; "Зуб не болит?"; "Велосипед починил?"; "Хандра прошла?". Человек, получается, в курсе твоих дел и твоего настроения. Он их знает. Ты о них ему говорил. Он помнит. Он помнит о тебе. Это так важно.

Но чтобы быть в курсе, нужно чаще общаться. Открыто. С доверием. Не пропадать. Особенно, когда тебе хорошо. Не исключено, что именно тогда кому-то из твоих друзей и близких плохо. Будь в курсе и этих плохих новостей. И однажды, когда тебе будет тоскливо и одиноко, раздастся телефонный звонок и хорошо знакомый голос спросит с теплым участием: "Ну как у нас сегодня дела?" И тогда Бог с ним, с занудством, рассказывай ему обо всем.

Старое кино

Я дал посмотреть тебе несколько фильмов: "Благослови зверей и детей" Стэнли Крамера, "Искатели приключений" с Аленом Делоном, "Изгой" и "Бойцовая рыбка" Френсиса Копполы, "Ромео и Джульетта" Дзифферелли, а также "Генералы песчаных карьеров", "Игрушка", "Трюкач". Ни капли занудства, никакой усложненной формы. Замечательная музыка, отличные актеры, знаменитые режиссеры. Есть и юмор, и action. И что же? Не то чтобы тебе активно не понравилось, просто все твои впечатления уложились в одно скучное слово "нормально".

Чего же тебе не хватило? Оказалось: то концовка не счастливая, то не совсем такая, как ты ожидал; не тот ритм, стилистика, насыщенность эффектами или слишком много романтики. В общем, "старое кино", ретро.

...Я не против цивилизованных людей, в смысле умеющих правильно обращаться с ножом и вилкой, автомобилем и компьютером. Это необходимо. Но крайне недостаточно! Я против только того, чтобы культуру считали антикварной, устаревшей, непрактичной. Если культура - это скучное ретро, то ее носители - ретрограды, тогда я - ретроград.

Не верь словам его

Тебя "не хотят видеть" - не верь. В худшем случае это временно. Чаще всего - эмоционально. Но слово сказано. И гордый взрослый ждет "навязывания", которого ты сам так боишься. Да ладно. Подыграй. Твое актерское мастерство пусть не сразу, но обязательно оценят по заслугам. Но уже сегодня ты много выиграешь от восстановленных по твоей инициативе отношений.

А если малодушно дашь себя убедить, что тебя всерьез оттолкнули, мнительный взрослый тут же поверит, что у тебя просто нет желания.

Докажи ему, что он ничего не понимает в детях. И он с удовольствием согласится с этим в обмен на ваше общение.

Если приложится

Вот что я давно хотел сказать тебе после всех наших долгих разговоров о необходимости образования, о вхождении в культуру и тому подобное. Значит так. Ты хороший, приличный парень. Благодарный и доброжелательный. Не способный на низость. И этого достаточно, потому что необходимо.

В конце концов, прочтешь ли ты ту или иную книжку, будешь ли хорошо разбираться в классической музыке, живописи, театре и кино - не самое важное в жизни. Главное, прости за банальность, чтобы человек был хороший. А остальное, если повезет, если приложится, оценишь в свое время. И без посторонней помощи. |

ЗАПУТАВШИЕСЯ В

"ПАУТИНЕ"

Елена Белинская

- "чайник" от компьютерных технологий, кандидат от психологии и просто - мама и женщина.

Помните рифмованные "страшилки" нашего детства, построенные по принципу: "маленький мальчик нашел пулемет - больше в деревне никто не живет"? Качество юмора можно оспаривать, но этот детский фольклор, безусловно, понятный не только его создателям, но и возможным интерпретаторам, создал минимальное основание для диалога поколений.

Перелистывая случайно забытый четырнадцатилетним сыном журнал "Хакер", я вдруг обнаружила в нем смутно знакомое: "маленький хакер компьютер купил..." Углубилась в чтение, но не тут-то было - сходство заканчивалось на первой строчке. "Маленький хакер" не поддавался. Он умудрялся творить нечто абсолютно недоступное моему воображению: разгонял проц, обугливал мать, менял кулер и даже байты дебаггером мирно таскал. В сложных чувствах - когда смеяться-то? - по возвращении сына я с облегчением выяснила, что обугленная мать не имеет ко мне отношения. Что это - материнская плата в проце, то есть в процессоре. И что брать чужие вещи - нехорошо. И что если я сейчас же не пушу его "чатиться", то он обидится навсегда.

... "Чатиться" - значит общаться в одном из чатов Интернета в режиме реального времени - on line. А сам чат - место, где, набирая послания на клавиатуре, одновременно могут общаться друг с другом пользователи, живущие в разных городах и странах. У них, как правило, нет определенной темы разговора. И что такое общаться в Интернете - это уже, как говорится, каждый понимает по-своему...

Не секрет, что, приобретая персональный компьютер, родители тешат себя надеждой на расширение возможностей "домашнего образования" для своего ребенка, благо количество обучающих игровых программ сегодня огромно. Учусь, играя... Играя, учусь... Но светлое завтра почему-то не наступает. Ребенок, презрев попавший к нему в руки практически безграничный информационный ресурс, не торопится удовлетворять (а вообще и формировать) свои познавательные потребности - он, как правило, играет или общается. Что, впрочем, весьма удобно нам, взрослым: во-первых, сидит дома, а не шляется неизвестно где; во-вторых, тихо сидит и нам не мешает; в-третьих, вроде чем-то умным занят...

Но необоснованно оптимистично было бы утверждать, что одновременно он познает и общается. Точнее сказать, он что-то познает и как-то общается. Общая непонятность, межпоколенные "разрывы" в освоении нового знакового средства провоцируют совершенно оценочные характеристики компьютерной коммуникации. На стереотипные вопросы ответы всплывают сами собой. Что формируют компьютерные игры? Агрессивность. Почему подросток так много общается в Сети? Чтобы компенсировать неуспех в реальном общении. Что больше всего влечет юного пользователя? Порносайты и игры. Что надо сделать с подростком, "ушедшим" в Интернет? Увлечь реальным делом. (Последнее вообще является универсальной педагогической рекомендацией, прежде всего в силу своего трудновыполнимого характера.) И как во всяких стереотипах, определенная доля истины в этих сентенциях есть. Но реальная картина далеко не столь проста.

Зарубежные исследования подтверждают различные негативные следствия информатизации: наиболее существенные для ребенка - адинамия, нарушения общения, формализация знаний. Есть и одно специфическое следствие: при условии свободного доступа в глобальную компьютерную сеть у пользователей в ряде случаев отмечается так называемый синдром Интернет-зависимости - любая - информационная, коммуникативная, игровая деятельность в Сети поглощает детей до такой степени, что на повседневную жизнь не остается ни сил, ни времени, ни желания. В последнюю редакцию официальной классификации психических заболеваний, принятой в США в 1996 году, включен раздел "кибернетические расстройства" - после первых зафиксированных смертей компьютерных "игроголиков", вызванных переутомлением и стрессами в результате длительного пребывания в виртуальной реальности. В отличие от "психологического" решения данной проблемы (медико-психологическая диагностика интернет-зависимости находится еще в стадии разработки, а перспективы психотерапевтической помощи сокрыты в тумане будущего) "технологический" выход был найден довольно быстро: среди физических лиц бесплатно распространяется программа CYBERtimer на базе Windows95, следящая, чтобы реальное время работы в Интернете не превышало запланированного. Это - "у них".

По данным поисковой системы Yandex.ru, в русскоязычной части Интернета сегодня находится десять миллионов web-страниц, прирост объема документов за 1999 год составил 1224 процента, и это при том, что поисковые машины индексируют лишь от одной десятой до одной трети всего содержимого. По исследованию компании "КОМКОН", численность российских пользователей Сети на сегодняшний день составляет 3,7-3,8 миллиона человек в возрасте в среднем от 12 до 34 лет, относительный прирост за каждый из последних трех лет составляет более 120 процентов. В Москве до 50 процентов детей школьного возраста имеют дома компьютер. По данным статистических исследований сайта "ИнфоАрт", около десяти крупнейших российских серверов уже перешли рубеж миллионного посетителя... Что же касается "детского" пользования, то если на 1992 год средний возраст начала знакомства с новыми информационными технологиями приходился на 16-17 лет, то уже в 1998 году более половины респондентов - 6-7-классники. При этом познавательные, в частности образовательные, мотивы посещения Сети стоят примерно на двадцатом месте.

Большинство исследователей выделяют ведущие особенности виртуальной коммуникации: анонимность, физическую недоступность пользователей друг друга и относительную недостаточность средств коммуникации. Именно они определяют и чисто психологические характеристики виртуального общения. Так, в результате анонимности и отсутствия невербальных средств коммуникации в Сети нет большинства характерных для реальности норм, связанных с социальными запретами, а также практически нет социального контекста взаимодействия. В виртуальных сообществах создаются собственные выразительные средства, собственный язык общения.

Физическая удаленность и недоступность пользователей а priori обеспечивают их большую безопасность, способствуя раскрепощению. Последнее, конечно, может принимать разные формы - от большей, чем в реальности, агрессивности до большего дружелюбия и возникновения отношений привязанности. Конечно, в сетевой коммуникации часто встречается "обман идентичности": так, подросток из Подмосковья вполне может представиться дамой бальзаковского возраста из пригорода Парижа. Но подобную возможность экспериментирования с собственной идентичностью тоже можно интерпретировать по-разному: и как "уход" от реального социального взаимодействия в бессознательном страхе потери себя, и как расширяющиеся перспективы самопознания... Так или иначе, по зарубежным исследованиям, большинство респондентов юношеского возраста в качестве наиболее привлекательных черт сетевого общения отмечают именно анонимность, доступность и безопасность.

Парадоксальность познавательной неостребованности этого нового информационного ресурса лишь кажущаяся. И дело не только в том, что специалисты в области новых информационных технологий все чаще отмечают определенный "кризис содержания" Сети, сетуя на бессмысленность многих сайтов, обилие безадресной рекламы, откровенную глупость "чатовой" болтовни. (В конце концов, Сеть лишь слепок реальности, и глупости в ней не больше, чем в окружающем мире.) Дело в том, что это в самом деле безграничный информационный и коммуникативный ресурс, кроме того, это еще и все более и более расширяющийся ресурс индивидуальной креативности. В этом смысле Сеть открывает практически бесконечные возможности выбора - а ведь излишне доказывать, что безграничный выбор граничит с невозможностью выбора вообще.

Далеко не всякий взрослый пользователь сможет удержаться от бессмысленного многочасового блуждания от сайта к сайту, для него даже придумали специальное слово "WEB-серфинг". Что же говорить о подростке, который редко самостоятельно может сформулировать личную задачу информационного поиска! Далеко не всякий взрослый умеет самопрезентовать в личной WEB-страничке на уровне, превышающем "наскальную живопись" с ее неистребимым принципом "Здесь был Вася!" (Сегодня в виртуальном мире насчитывают около 320 миллионов личных "страничек", то есть она есть у каждого пятнадцатого человека.) Что же требовать от подростка, для которого задача личностного самоопределения лишь начинает проступать...

По результатам недавнего исследования, соотношения социальной и виртуальной идентичности подростков - активных пользователей Сети выделили три основные группы:

Любители - те, кто интересуется Сетью как дополнительной возможностью общения (в самохарактеристиках они скорее отметят: "люблю поболтать в чате", нежели "я дитя Сети");

Прагматики - те, кто не идентифицируется с социальной категорией пользователей и не общается в Сети, а выходит в Интернет только по необходимости (например, скачать заданное на дом сочинение);

Хакеры - наиболее многочисленная группа, для которой важна социальная принадлежность к "продвинутым" пользователям как таковая. Для этой группы пользователей высокий уровень компьютерной грамотности стал основным средством получения определенного статуса в подростковой субкультуре.

В качестве причин собственной увлеченности компьютерной коммуникацией подростки выделяли: "интересно" (более 80 процентов ответов) и "кайф", "круто, престижно, модно", "об этом говорят друзья", "чтобы не выглядеть дураком" (более 50 процентов высказываний).

Естественно, нас интересовал вопрос о реакции взрослых, родителей, на увлечения наших респондентов. Примерно у половины из них вопрос вызывал недоумение: "Какое им дело?", "Если уроки сделал, то им все равно", "Они на работе и этого не видят". Оставшиеся отмечали родительское недовольство, "если слишком долго". (Как выяснилось, "слишком долго" - это в среднем более 2-3 часов подряд.) Практически все подростки отмечали у себя известный по исследованиям интернет-зависимости феномен потери чувства реального времени.

Все вышесказанное приводит в общем-то к старой истине: как в ситуации реальной социализации, когда взрослый некоторое время обязан быть своеобразным посредником между подростком и социальным миром, так и в процессе освоения виртуального мира, который все более и более становится обыденной повседневностью, возрастает роль взрослого как некоторого "медиатора" между ребенком и Сетью для того чтобы он просто-напросто не запутался в этой "паутине". Насколько мы готовы к этому? Настолько же, насколько готовы к включению подростка в реальный социальный мир... Эта готовность нелегальна без наличия психологического контакта между ребенком и взрослым, основанного на знании, желании понять, разделить возникающие проблемы.

Продолжая процесс самообразования путем тайного почитания "Хакера", я недавно обнаружила, что "ламер от квакера быстро бежал", и, будучи уже слегка "продвинутым" существом, поинтересовалась у сына, правильно ли я понимаю, что квакер - это любитель игры в Quake. "Правильно, правильно", - снисходительно ответил он. И, уловив еще один не заданный вопрос, с долго сдерживаемым злорадством добавил: "Только не спрашивай, кто такой ламер. Потому что ламер - это ты! Человек, который ничего не понимает и все равно продолжает задавать дурацкие вопросы!"

...Все-таки даже в возрасте отрицания они продолжают переоценивать нас. Ведь я здорово не дотягиваю до ламера. Хотя бы потому, что совершенно не понимаю, почему я должна бежать от квакера, а главное - куда... |

АНТОЛОГИЯ ВЫСТАИВАНИЯ И ПРЕОБРАЖЕНИЯ ВЕК XX

артем соловейчик, леонид радзиховский, борис братусь, владимир фридман, григорий остер, виктор лошака, алексей кара-мурза

Кончается столетие

давшее миру страшный урок тоталитаризма: гитлеровские лагеря и ГУЛАГ, депортация целых народов в России, холокост в Европе и революционные "эксперименты" красных кхмеров в Кампучии...

В этой серии будут изданы труды выдающихся мыслителей, определяющие формирование гражданственности у подрастающего поколения.

Тоталитаризм будет показан глазами людей, которые прошли через ад, не потеряв своего человеческого достоинства.

Эта тема особенно актуальна сегодня, когда к власти рвутся экстремистские группировки, исповедующие идеологию тоталитаризма. И поэтому основная наша задача - спасти от них наших детей.

Фонд социально-экономических и интеллектуальных программ (Президент Фонда - лауреат Государственной премии СССР Сергей Александрович Филатов) активно участвует в реализации проекта.

Фонд организует сбор спонсорских средств, содействует изданию и адресному распространению книг серии "Антология выстаивания и преобразования".

Контактные телефоны: (095) 208-26-65, 208-27-08.

Никогда прежде в истории человек не оказывался перед лицом столь чудовищных испытаний. Тем важнее передать юношеству трагический, но благотворный опыт выстаивания и преобразования, сохранения человеческого достоинства вопреки обстоятельствам, запечатленный в документах, биографиях и художественных текстах.

Нельзя сказать, чтобы эти исторические свидетельства были вовсе не знакомы читателю. Большинство из них было опубликовано на заре перестройки, но растворилось в потоке информации, оставшись на периферии школьного образования. Между тем в жизнь вступают новые поколения, не имевшие такого страшного опыта. В эпоху всеобщего смягчения умов их неуксущенность создает благоприятную почву для попыток подкрасить тоталитаризм и выдать методы Гитлера и Сталина за спасение. Готовящаяся к изданию "Антология выстаивания и преобразования" (Век двадцатый) призвана помочь юношеству обрести нравственную опору в трагическом опыте отцов, стать своего рода прививкой против всевозможных духовных эпидемий и массовых психозов.

Антология была одобрена академиком Дмитрием Сергеевичем Лихачевым.

Представленные книги имеет смысл выдавать каждому молодому человеку вместе с паспортом и, безусловно, предоставить в каждую школьную библиотеку.

Главный редактор и автор проекта: Евгений Ямбург
К работе в редакционной коллегии приглашены:
С.Аверинцев, А.Асмолов, Ю.Давыдов, А.Зорин,
А.Нежный, П.Положевец, Г.Померанц, А.Приставкин, А.Семенов
Ответственный редактор: Г.Великовская

Величие человека заключается в том, что в любых обстоятельствах он остается человеком. Возможно, XX век доказал это с небывалой трагической силой, явив примеры беспрецедентной жестокости и великой человечности. Как сказал поэт Николай Глазков:

Век двадцатый, век необычайный,

Чем он интересней для историка,

Тем для современника печальней.

Благая весть

Содержание:

Эли Визель

Ночь. Роман

Николай Гаккель

Мать Мария

Антоний Блум,

митрополит Сурожский

Проповеди

Название этому тому дали воспоминания Тамары Петкевич "Жизнь - сапожок непарный". Что помогло ей, 19-летней девушке, выстоять в бесчеловечных обстоятельствах? Кодекс поведения, который сложнее и шире знакомого нам по литературе благородного понятия "невольник чести". Эта же нравственная позиция помогла выстоять и победить Петру Григоренко.

само словосочетание "узник совести", соотносимое в XIX веке с понятием "невольник чести", не исчерпывается фактом пребывания в лагере или психушке по политической статье, но говорит о почти врожденном, безупречном нравственном чутье и личном бесстрашии - качествах, не позволяющих мириться с любыми формами унижения человеческого достоинства.

Жизнь - сапожок непарный

Содержание:

Тамара Петкевич

Жизнь - сапожок непарный

Воспоминания

Петр Григоренко

Очерки пройденного пути

"Благими намерениями вымощена дорога в ад". По этой бесконечной дороге прошли не только герои Данте, но целые народы, которые пытались построить рай на земле. Одна из самых грандиозных и чудовищных попыток подобного мироустройства была предпринята в нашей стране. Казалось бы, миллионы жизней, уложенных в фундамент этого строительства, должны навсегда отратить людей от подобных экспериментов на себе, своих детях и внуках. Ничего подобного! И сегодня есть политики, выдающие эти методы за единственный способ "выхода из хаоса". Тем важнее для юношества честное, обжигающее свидетельство людей, спустившихся в ад и выбравшихся из адовой тьмы.

Жизнь во тьме

Содержание:

Василий Гроссман

Все течет. Повесть

Евгения Гинзбург

Крутой маршрут. Повесть

Варлам Шаламов

Колымские рассказы

Олег Волков

Из тьмы

"**У** меня есть мечта..." Эти слова, которыми Мартин Лютер Кинг начал со ступеней Мемориала Линкольна свою Нагорную проповедь перед черными и белыми американцами, высечены на его могиле. Он мечтал о мире, где людей не будут различать по цвету кожи, вероисповеданию, политическим пристрастиям, о мире без насилия.

Об этом же мечтали Махатма Ганди и академик Андрей Сахаров - творцы мира без насилия. В этом томе - их биографии.

У меня есть мечта...

Содержание:

Мартин Лютер Кинг

Махатма Ганди

Андрей Сахаров

Первым человеком, погибшим за свои убеждения, считается философ Сократ. Убеждения только тогда и стоят чего-то, если человек согласен претерпеть за них.

Этот том составили свидетельства людей веры: православных священников, ксензов, баптистов, раввинов, кришанитов, представителей других религиозных конфессий. Вера была смыслом и основанием их жизни, вера была их способом противостоять злу.

Два последних тысячелетия убеждают, что люди религиозные - от христианских первоучеников до репрессированных за веру в сталинских и гитлеровских лагерях - наиболее достойно выдерживали любые тяготы и испытания, сохранив свою веру.

Мученики веры

Содержание:

Александр Мень

Домашние беседы о Христе и Церкви.

Культура и духовное восхождение.

Св. Анатолий Жураковский

Материалы к житию

Зоя Масленикова

Жизнь о. Александра Меня

Слово "геноцид" появилась в XX веке, однако практика уничтожения людей, потому что они другие, существовала всегда.

Почему же XX век - вершина цивилизации, триумф ее фантастических свершений - не стал последним в череде человеческого безумия?

Об этом обязательно задумается читатель, раскрывший том "Похороны колоколов" - антологию прозы о геноциде.

Похороны колоколов

Содержание:

Франц Верфель

Похороны колоколов

Уильям Сароян

Армянин и армянин

Курт Воннегут

Синяя Борода

Питер Наджарян

Большие носы и чеченцы

Анатолий Приставкин

Ночевала тучка золотая

Иржи Вайль

Псалом памяти 77 297 жертв

Алесь Адамович

Даниил Гранин

Ленинградские гити

Учительство как миссия, как подвижничество, как попытка не только спасения, сохранения самого себя как личности, но и отвоевывания у зла душ человеческих - прежде всего душ юных, впечатлительных, живых.

Учителя

Содержание:

Януш Корчак

Когда я буду маленьким

о. Александр Мень

Вечные огни

Константин Циолковский

Уроки

Сильнее всего тоталитарный режим ненавидит личную жизнь человека, сильнее всего он обрушивается именно на нее. Конечно, не каждый может быть героем, не каждый должен становиться мучником, но каждый может найти в себе силы сохранить свое человеческое достоинство, защитить свою частную жизнь.

Именно укрепленно основ достойного обыденного человеческого существования посвящен этот том.

Моя жизнь

Содержание:

Михаил Пришвин

Дневники

Ален Тольц

Женщина на фронте

Виктор Клемперер

ЛТИ

Тоталитаризм многого стоит. Даже в самых, казалось бы, лучших времена "спокойствия" и "процветанияего застоя", о которых многие так часто тоскуют, она не меняя своей кровавой природы. О чем убедительно рассказывают авторы и герои этого тома.

Вегетарианская эпоха

Содержание:

Анатолий Марченко

Мои показания

Григорий Померанц

После реабилитации

С.Подольский

Трагедия в Новочеркасске

Юрий Айхенвальд

"Донки Хоты" в движении диссидентов

Низаметдин Ахметов

Уголок России

Эта книга о сопротивлении человека бесчеловечности, обрушившейся на Европу подобно эпидемии чумы. Ее так и назвали - "коричневая чума", она свирепствовала с 1933 по 1945 год, унеся десятки миллионов жизней. И унесла бы она больше, если бы советская армия и армии наших союзников не сокрушили гитлеризм.

Решающий вклад в победу внес солдат.

Вечная ему благодарность и слава.

Но надо помнить и тех, кто, не уничтожив ни одного врага, противостоял нацизму, как герои этой книги: сельский учитель-белорус, европейский монарх, чешский коммунист, протестантский теолог, французский интеллектуал. Их нравственный опыт значит не меньше, чем великие битвы, ибо сказано: "Человек равенцен всему творению, и тот, кто спасает одну душу, спасает весь мир". Спасение мира надо начинать с собственной души.

Музей человека

Содержание:

Юлиус Фучик

Репортаж с петлей на шее

Василь Быков

Обелиск

Борис Хазанов

Час короля

Альбер Камю

Письма немецкому другу

Дитрих Бонхёффер

Спусти десять лет

Артур Кестлер

Приезд и отъезд

Как сказано от века, нет пророков в своем отечестве. Но нет пророка и в своем веке. Пример тому - жизни и судьбы выдающихся провидцев двадцатого столетия Семена Франка, Георгия Федотова.

Ослепнуть к глухота, временами поражающие целые народы, учат поколения прислушиваться к одинокам голосам, даже к одному-единственному голосу.

На пороге третьего тысячелетия одной из важнейших задач культуры, и прежде всего педагогики, становится "утончение" слуха и заострение зрения, помогающие человеку отличить свет от тьмы, истину от лжи.

Неуслышанные голоса

Содержание:

Семен Франк

Георгий Федотов

Карл Ясперс

Пауль Тиллих

Рейнхольд Нибур

Альбер Камюю

СОЦИАЛЬНАЯ ПСИХОЛОГИЯ ДЕТСТВА | *мария осорина / вера абраменкова*

Осорина Марина Владимировна

Секретный мир детей в пространстве мира взрослых. "Питер", 1999.

Книжка, прекрасно изданная петербургским издательством "Питер", попала в руки моей полторагодовалой дочки, и она, увы, отодрала обложку с привлекательным названием "Секретный мир детей". А это как раз ее мир, ну чуть попозже.

Уже оглавление дает представление об уникальности того, о чем книга. "Детская практика посещения "страшных мест"", "Чем привлекательна свалка?", "Детские "сокровищницы", "секреты" и "тайники"... Это тот мир детей, который существует как бы параллельно с миром взрослых, хотя находится в том же физическом пространстве и времени.

Хотя книга - серьезнейшее научное психологическое исследование (написанное русским и даже художественным языком, так что мне вспоминается Лев Семенович Выготский), ее прочтет с интересом, по-моему, каждый читатель. Связано это с тем, что в секретном мире, который описывает автор, мы все когда-то находились, очень глубоко его переживали, а потом забыли. Когда читаешь книгу, это глубоко спрятанное вдруг возникает по закону ассоциации и воспринимается как глубоко личное, твое.

С другой стороны, нельзя не заметить, что автор проделал просто фантастическую работу, подобно Солженицыну, перелопатив массу открытых и включенных наблюдений, интервью, писем, воспоминаний об исследуемом предмете. Ассоциация с "Архипелагом" пусть не покажется странной. Сам я, например, набрел на книгу Марии Владимировны Осориной, когда работал над очерком о людях, среди которых бывшие политзеки. Они селятся в брошенных деревнях, на помойках, свалках, химических полигонах и в радиоактивных зонах и пытаются превратить их в райские сады. (Называется это сообщество "служба экологической реставрации деградированных ландшафтов".) Я задумался: а надо ли это делать? И что такое свалка, на которой мы все находимся? Чудесным образом наткнувшись на книгу Марии Осориной, прочел: свалка для ребенка - это изнанка взрослого мира, его вывернутая наружу потаенная сторона. Тут происходит масса удивительного. Это "место, где нечто превращается в ничто или в неизвестно что".

И, следуя за автором, я подумал, что многие, не только дети, но и взрослые, сегодня живут на большой свалке, которую сами создали и которая может побуждать человека как к разрушению, так и к созиданию из обломков старого чего-то нового.

Но, конечно, книга Осориной прежде всего о детях. И мир всех этих чердаков и ледяных гор, где дети что-то делают (автор считает, учатся жить на свете, но хочется думать, что это не самоцель - они просто живут), описан с изумительной тонкостью и пониманием психологии. Как признает автор, она пыталась решить две задачи: описать феноменологию детского территориального поведения (как дети налаживают отношения с ландшафтом, какие места посещают, что они там делают?) и уловить психологические закономерности, найти объяснение, почему происходят особенные события детской жизни (зачем дети ходят в "страшные места", почему любят кататься с ледяных гор?). Не могу сказать, что после прочтения книги мне все стало ясно. Но, несомненно, - я не только вспомнил то, что забыл, но и узнал много нового.

Необычность и новизна книги очевидны. Не думаю, что надо искать в ней прагматическую педагогическую пользу. Хотя, скажем, главку "Каким должно быть место детского отдыха и игр" я бы рекомендовал (в обязательном порядке) изучить воспитателям и учителям. Давно замечено, что на детских площадках, которые строят взрослые, дети играют совсем в другие игры. А вот у моего товарища, директора московской школы самоопределения Александра Наумовича Тубельского, на одном из этажей сооружена фантастическая конструкция, от которой школьников не оттащишь (подобные я видел в Израиле и в Финляндии). Детская субкультура в отличие от взрослых не имеет границ, и не сомневаюсь, что книга Марии Осориной будет интересна не только отечественному читателю.

Среди своих предшественников автор указывает основателя педологии Стенли Холла, замечательных детских психологов Жана Пиаже и Эрика Эриксона. Не могу в заключение не отметить лично меня радующую авторскую внутреннюю культуру, возможно, идущую от Санкт-Петербургской школы.

Обложку, которую оторвала моя дочь, я приклеил. Мне кажется, что эта книжка надолго. Возможно, это даже классика. |

/ анатолий цирульников

Абраменкова Вера Васильевна

Социальная психология детства: развитие отношений ребенка в детской субкультуре. Москва - Воронеж, 2000.

Сорадование и сострадание в детской картине мира. М., 1999.

Игры и игрушки наших детей: забава или пагуба. М., 1999.

Быть ребенком все труднее. Наверное, каждый родитель приходит к этому выводу, вольно или невольно сравнивая себя с собственными детьми. Почему это так? Ответов может быть множество. Один из вариантов предлагает в своих книгах Вера Абраменкова.

Наверное, в жизни любого человека очень важны отношения. Отношения с другими людьми, с самим собой, с окружающим миром. Даже простое наблюдение за детьми в игре позволяет многое понять об их отношениях друг с другом. Если же исследователь специально организует игру таким образом, чтобы отношения выражались в самой явной форме, результаты вызывают желание поразмышлять. Описанные в книгах Веры Абраменковой методики "Мишень", "Железная дорога", "Тропинка", "Орбита" ставят детей в разные ситуации. В них ребенок действует либо ради собственного успеха, либо ради того, чтобы помочь товарищу по команде избежать наказания, либо ради того, чтобы его партнер получил награду. И выясняется, что стремление помочь другому получить награду очень быстро сменяется у ребенка желанием "социальной справедливости", а попросту говоря - завистью. Ребенок спрашивает: "Почему это опять ему? Мы тоже хотим"; "У него и так уже три картинки, а у нас две".

Согласимся, что не только психологический эксперимент, но и вся современная жизнь предлагает детям достаточно поводов для зависти. И это состояние не зависит от благосостояния семьи. В конце концов, можно позавидовать даже кукле Барби, у которой есть особняк, автомобили, наряды. А если мы вспомним, что создатели куклы характеризовали ее как "подружку" современной девочки, легко предположить, что игра со златовласой красавицей закладывает в девочке механизмы зависти, основу будущей "женской дружбы".

В своих книгах В.Абраменкова уделяет особое внимание тем новшествам, которые принес технический прогресс в детскую и подростковую субкультуру. Новыми реалиями жизни ребенка становятся компьютеры и атомные электростанции (даже черно-белые репродукции детских рисунков, изображающих АЭС, производят сильное впечатление). Докатываются до России волны сексуальной революции, которую Запад уже пережил, вернувшись к патриархальным ценностям, и детских суицидов. Добавлю от себя, что снижение ценности человеческой жизни в последнее время представляется мне частью государственной воспитательной идеологии. Политикам нужны солдаты для локальных войн, повышающих их рейтинги.

Самое удивительное то, что дети как-то ухитряются пережить свое непростое детство и стать подростками, которые, скажу честно, мне очень нравятся. Они очень рано осознают свободу как ответственность, они способны на интеллектуальные усилия такой интенсивности и длительности, что только диву даешься, они сознательно подходят к выбору друзей и в дружбе честны и надежны.

Классик русского рока Борис Гребенщиков написал: "Нам выпала великая честь жить в перемену времен". Похоже, наши дети оказываются гораздо лучше нас приспособленными к этой перемене. И все же мы, взрослые, обратившись к умным, помогающим размышлять книгам, иногда можем им в чем-то помочь. |

/ natalya хмелик

РАЗГОВОР СО ШВЕЙЦАРСКОЙ МАМОЙ

мария ганькина

-мама двух сыновей, структурный лингвист и школьный учитель, а теперь еще и журналист. Визит в Швейцарию не был командировкой. Приехал, по приглашению поурисий, погостить, чуть не на следующую день, она, спасаясь от неприкаянности и тоски, принялась за работу. И начала с этого интервью.

Инна живет в Швейцарии уже девять лет, восемь из которых является мамой кудрявого черноглазого Микеланджело. "Понимаю... И просто Анджело - тоже скружено (на ангела он никак не похож!). Но имя надо как-то сокращать, поэтому прикился Микеле, Мика"...

Микеле из всей разнообразной швейцарской еды ест только спагетти. Это чистая правда. Я и сама бы не поверила, что человек может питаться одними спагетти, если б не видела собственными глазами...

Самый для Микеле трудный вопрос: "Микеле, на каком языке ты думаешь?" - На трех! С папой и его родней - на итальянском, с мамой - старается на русском (потому что мама тоже знает итальянский), в женевской школе (а Женева расположена во французской части Швейцарии, и поэтому говорят там исключительно по-французски) - естественно, на французском...

У меня была версия, что родительские впечатления, связанные с поступлением ребенка в школу, практически не зависят ни от географии этого события, ни от национальности или степени материального благосостояния мам и пап... Мы поговорили. И я узнала много чего для себя - болеющей за детей учительницы, болеющей за школу новоспеченной журналистки и к тому же болеющей за своих сыновей мамаша - интереснейшего и поучительного...

- Итак, твоему Микеланджело стукнуло шесть лет...

- Здесь, в Швейцарии, дети идут в школу с шести лет. Но Микеле пошел с семи. Мне показалось, что в свои шесть лет он ничего не умеет. Разве что читать. Поэтому для начала я отдала его в подготовительную группу в Москве - специально приволокла, чтоб швейцарской школой не травмировать.

Кстати сказать, здешние родители не готовят детей к школе принципиально. Никто не учит их ни читать, ни считать. Они говорят: а что же ребенок будет в школе делать? Ему будет скучно. Ну, а уж если он как-то сам по себе выучился - тут уж ничего не поделаешь.

- То есть здешний первый класс - вроде нашей подготовочки?

- С той разницей, что учатся они 12 лет.

- И все же Микеле в швейцарскую школу пошел. По какому признаку вы ее выбрали?

- У нас не было никакого выбора. Мы тогда жили в Тичино, итальянской части Швейцарии, в приальпийской горной местности. И отдали его в ближайшую школу.

- Сельскую?

- В сельскую... Со своими конюшнями и бассейном... Сразу во второй класс. Мы посмотрели программу: чему он должен выучиться в этом классе первой школы. Оказалось, счету в пределах двадцати. (А он уже до ста считал!) На всякий случай ему организовали экзамен на знание языка (итальянского), букв и счета. Он выдержал.

Как и все швейцарские школы наша горная сельская школа была разбита по возрастам? Начальная школа - с 6 до 12 лет, средняя - с 12 до 15 лет. Обязательная школа - до 15 лет. А после - что хочешь делай. Хочешь - дальше учись в лицее или в колледже. И дальше - в университете. А хочешь - иди в а-ля наше ПТУ на продавца или парикмахера.

Сельская малокомплектная

- Когда ты повела Микеле в замечательную сельскую школу, ты уже знала, кто у него будет учителем? И было ли у тебя, у мамы, право выбирать кому отдать своего ребенка?

- Нет, такого права у родителей в Швейцарии нет. В нашей школе всего один второй класс. Впрочем, как и третий - один, и четвертый... Каждый класса начальной ступени - по одному. И так во всей Швейцарии. Зато таких маленьких начальных школок в каждом районе (они здесь называются коммуна) - видимо-невидимо. Потом дети из таких игрушечных школ объединяются в средние. А эти уже - огромные, в несколько зданий. И их немного. На всю Женеву, например, четырнадцать государственных школ.

- Итак Микеле попал во второй класс...

- И получилась вот что: по положению о швейцарских школах в классе не должно быть больше двадцати четырех человек. Если набралось двадцать пять - значит, класс делят пополам.

У нас же в Тичино, в швейцарской глубинке, второй и третий класс объединили в один. Всего двадцать четыре человека. Получился смешанный класс. Сельская школа, некомплект, сама понимаешь...

- Это уже интересно, потому что в нашей городской школе этого себе представить просто невозможно. Нет, некомплект себе представить можно. Но невозможно, чтобы объединили второй и третий классы!

- Но мы в этот класс не попали. И вот почему. Я сообщила в школе, что как только у меня через два месяца закончится здесь работа, мы переедем в Женеву. Мне сказали: что ж, очень жаль, потому что, если бы Микеле пришел в этот класс хотя бы на год, то это послужило бы поводом разделить класс. Им не хватало как раз одного ученика, чтобы сделать отдельный второй и отдельный третий классы и дать нагрузку еще одному учителю.

Кстати, папа Микеле тоже учился в такой малокомплектной школе (опять же сельской), в таком вот смешанном классе. И у него самые лучшие воспоминания. Он учился хорошо, чуть ли не на все пятерки. Потому что, как он говорит: мне страшно было интересно, чего там делают все остальные. И он всюду совал свой нос...

Мика со своей программой второго класса попал в первый класс, к шестилетним детям И опять класс разделился на две части: на него - и всех остальных. Всего детей было 16. Ему давали отдельные задания, а остальные 15 учились бок...

- Как это все выглядело? Ты была хоть на одном занятии?

- Прийти было нельзя. Не только родители, вообще никто не может прийти на урок к швейцарскому учителю. Разрешение нужно получать на уровне министра образования.

- А строится рабочий день у шестилетнего ребенка?

- Каждый день за школьниками приезжает автобус. В 8 с чем-то ребенок должен стоять на остановке. Родители не провозжат. Первоклашки садятся в автобус сами, надутые от гордости.

Они учатся, учатся, учатся и в полдвенадцатого заканчивают. Автобус их везет домой обедать. В полвторого начинаются следующие занятия. Дети опять едут в школу.

Первая половина дня - это, как правило, чтение и счет. Да и вторая половина дня - рисование, пенне - тоже как бы обязательная, ты не можешь не приехать. Рабочий день кончается в полчетвертого.

Мне, кстати, совершенно не нравится, что дети мотаются туда-сюда. Приехал - надо быстро поест. Только побегал к своему товарищу, махнул ему рукой, они там перекинулись каким-нибудь мячиком - а тут уже родители кричат: скорей, автобус сейчас придет!..

Маэстро Николо

- А как звали учителя-то?

- Маэстро Николо. Это итальянское имя.

- А дети его как звали?

- Никола. По имени. О, чудесный дядька! Лет ему около тридцати. Его собственные дети ходят в эту же сельскую школу, только, конечно, не к нему в класс. По-моему, невероятно творческая личность. Вообще, жизнь в классе была хорошая. В швейцарской школе учителю дается полная свобода. Он может как угодно вести уроки, что угодно придумывать, лишь бы дети, если им положено считать до 20 - умели бы это делать.

- А если кто-то так и не научился?

- Ничего страшного. Есть специальный педагог, который называется педагогическая помощь. Он просто приходит на урок и детей, которые хуже читают или считают, может забрать к себе, в отдельный кабинет.

- Он сам решает, кого забирать к себе в отдельный кабинет?

- Как правило, туда периодически навдываются все дети. По ходу учебы. Педагогические помощники работают бок о бок с основным учителем. В нашем классе, педагогическую помощь вела жена маэстро Николо. Это была замечательная пара. Детям они оба очень нравились.

Они говорили родителям: "если ваш сын или дочь нуждается в такой помощи, не думайте, что он хуже других. Просто у него свой темп развития, и мы ему поможем включиться в общий". Дети не воспринимают это как негатив: ага, ты пошел отдельно заниматься - значит, ты дурак. Наоборот! Они это воспринимают как радость, подарок судьбы - там весело, там играют...

Впрочем в Женеве нет такой педагогической помощи, она есть только в сельской малокомплектной школе.

- Как же Никола с Мишкой занимался - с одним посреди пятнадцати первоклашек?

- Он дает, скажем, письменное задание своему основному первому классу, а Леонардо у него в это время считает. Потом дает Леонардо какое-нибудь письменное задание... Никола говорил: что я ему буду программу давать? пусть ему лучше будет интересно! И они с ним за месяц дошли в устном счете до тысячи. Во как! И что ему было с нами возиться? Он ведь знал, что Мика учится в его классе только два месяца - вроде бы, сиди да читай... Избаловал он нас...

Никола, кстати, прекрасно играл на гитаре. Каждый день у них в классе начинался с песни. Мы с Лео до сих пор поем Николины песни...

- Ты помнишь свое первое родительское собрание?

-Каждый сел на место своего ребенка. Места были подписаны именами детей. А на учительском столе было написано - Никола.

Но пришла мысль, что меня поразило гордо? Большая половина пришедших на собрание (а пришел все) - папы! Как потом с удовольствием сказал мой муж: у нас в Швейцарии родители традиционно интересуются педагогикой, и папы, в частности, традиционно интересуются образованием и учебными делами своих детей. Это традиционно время от времени, я бы сказала... Как и везде. Но факт налицо - пап на собрании было очень много.

- А уроки были ограничены по времени?

- Между уроками у них были общие перемены. Здесь стараются перемены делать на улице. Но не после каждого урока. А полтора часа идет первый урок, после этого большая перемена - чуть ли не полчаса. Дети играют в футбол, катаются на великах...

Учатся они четыре дня в неделю: понедельник, вторник, потом четверг и пятницу. Среда - выходной. В один из четырех учебных дней - горные лыжи. Два раза в неделю - коньки на школьном катке. Раз в неделю - бассейн, но на полдня. Одно время мне все это казалось такой халевой - когда ж они учатся-то?... Поэтому я стала серьезно опасаться за уровень образования своего ребенка. Сама-то я закончила московскую спецшколу...

- Да-а-а, я помню, ты говорила: у моего Микеле первый класс был развлечением. Но потом вдруг выяснилось, что он зубок знает таблицу умножения. Какие наши российские дети после первого класса знают таблицу умножения?! (Я не говорю о тех, кто учится в математических школах, им-то просто-напросто после первого класса задают выучить всю таблицу умножения на каникулах - да и все!) А Мишка знал... Может, ты его сама натаскивала?

- Нет, конечно! Это произошло... как-то само собой...

В женевской началке

- А через два месяца вы переезжаете в Женеву, и Микеле попадает в городскую школу?

- Да, в обычную школу по месту жительства - ее из окна видно. Во второй класс. К обычной учительнице. Но он не говорил по-французски, вот в чем была загвоздка. А Женева - французский город.

Надо сказать, что вначале дети его встретили враждебно. Если ты не можешь общаться, мы научим тебя общаться кулаками. У них в классе был очень трудный мальчик. Родители водили его к психологу. Агрессивный мальчик, хотя очень красивый. Антуан.

И вот Антуан стал браться на Мику и подкачивать ребят: мол, дай ему по шее... Я даже ходила в школу разбираться... Не помогло.

И тут учительница (посиди я потясающей девочкой Карлоттой, которая говорила по-итальянски !) и эта потрясенная девочка звала моего Микелюшу к себе под крыло. Стала переводить все, что говорит учитель, с французского на итальянский. Микуша ходил за ней по пятам как прищиптый. До тех пор, пока через месяц не заговорил.

- Через месяц Мика заговорил по-французски?!

- Да. Сначала он все слушал, слушал. А недели через две пришел домой и говорит: весь класс сегодня очень обрадовался, потому что когда мне кто-то дал карандаш, я сказал мерси. И в классе звучало: Микеле сказал мерси! Микеле сказал мерси!

После этого "мерси" он понял, что может еще что-то такое сказать... И пошло, и поехало...

- Ставят ли в женевской школе отметки?

- Нет, но периодически бывают контрольные работы, в которых надо из 30 очков надо набрать 20. Плохо, если набираешь меньше 20.

- В начальной школе задают домашние задания?

- Где как? Каждый из двадцати двух швейцарских кантонов (что-то вроде штатов) сам решает: как программы, с какого по какое число канкулы, какие языки учить в школах... Устраиваются обсуждения по телевидению... А уж с домашними заданиями, наверное, вопрос решается на уровне школы. А то и класса.

В нашей конкретной государственной женевской школе дело обстояло так. На неделю выдавался лист по французскому языку формата А-4 с игровыми заданиями, с какими-то кроссвордами. Выдавался он в понедельник, а принести и сдать его нужно было в пятницу. Такой же лист по математике. Плюс контрольное чтение. Каждую неделю в учебник брал себе книжечку, которую он ялюбил или не ялюбил читать, а проверял это у них не принято.

- А стиль обучения на уроке какой?

- Опять же ничего нельзя сказать про стилистику всей школы - вообще. Стиль конкретного человека - да. Например, в нашем классе, написал учитель, и идешь учителю показываешь. Или решил задачку - показал.

Нет, сбора тетрадей у них нет. Только контрольные работы когда пишут. Ежедневная проверка проходит прямо на уроке. Написал - неси учителю. Учитель отмечает: хорошо, очень хорошо. Какими чернилами? Да тоже черными.

Мика рассказывает: как весь класс вскопич с парт! как столпится вокруг женевской учительницы! Полная неразбериха! Тогда я спросила: а у Николь? "Нет, у Николь - у Николь нет. Если два человека стоят, остальные должны сидеть". Уговорил - было больше порядка. Дети это любят. По крайней мере, Мике нравилось, что есть заведенный порядок.

А здесь, в женевском втором классе, все было беспорядочно. Доходило до драк. (Я думаю, у Николь этого просто не могло бы произойти ни с каким человеком). Ведь дети подхватывают учительскую беспорядочность. И учитель начинает кричать на детей, что они устраивают беспорядок. Леонардо рассказывал, что когда приходят родители, она улыбается, всем кивает, а на детей кричит.

И еще - это меня поразило - иногда она говорит: это идиотский вопрос. Слова, неприятные для детей...

Хорошая здесь существует традиция: основной учитель в начальной школе меняется каждые два года. В первом-втором классах - один учитель, в третьем-четвертом - другой, и в пятом-шестом классах - третий.

- Это здорово, потому что дети не закидываются на одного учителя, учатся привыкать к разным людям... Да и учитель не закидывается. А то всякое бывает... То-олько вложить в них всю душу, то-олько начал подсознательно жаждать воздаяния, а они, неблагодарные... Как - хрьсь! - тебе других детей подбрасывают. Поневолье перестанешь всю душу вкладывать. А оно и хорошо. Минуй нас пуще всех печалей и барский гнев, и барская любовь...

Что понравилось? Сводный хор!

- Безоговорочно в женевской школе мне нравится то, как они поют и какие делают первоклассные концерты. В концертах участвует вся младшая школа. С детьми работают педагоги со специальным музыкальным образованием - концертмейстер, хормейстер...

Перед Рождеством - никакой учебы. Каждый день приглашаются родители. Сначала отдельно по классам. Потом классы сливаются в сводный хор. Идут репетиции. Сначала...

- Представляю: сидят умиленные родители и слушают. Но школьный хор, случайно, не натаскивание, не обязательное для детей?

- Что ты! Мой Микелюся ведь не с начала учебного года репетировал, так что еще не все слова знал. Но как он гордился участием в Рождественском представлении! У них в хоре все делалось как-то по-доброму, легко, но в то же время достаточно профессионально: кто-то стучал по чему-то, кто-то звенел, кто-то гудел, кто-то объявлял... Потом дети постарше пели более сложный репертуар... Потом - пудят все вместе...

Мика говорит: тебе понравилось, как мы пели? На следующий день опять: ну ты помнишь, как мы вчера пели?

- Я всегда знала: хор - это здорово. Хор - это пенне вместе. Когда у них вдруг вместе что-то получается, они начинают слышать друг друга, получают удовольствие от того что-то балдеют - это замечательно... Это и есть воспитание.

Дом культуры по-швейцарски

- В Женеве среда - тоже выходной день.
- Да.
- Родители на работу. Куда же дети?
- Я отвела Мику в... Я не знаю, как это по-русски... Дословно - Дом развлечений и отдыха. Дом культуры, короче. Такой есть в каждом из 14-ти районов, точнее, коммун. Этот дом - это особая песня...

Я отвела Микеле на полный день в группу разновозрастных детей. Их было человек двадцать пять. С ними занимались два профессиональных педагога: музыка, рисование, катание на лошадях, походы в музей, театр и прочее. Мика за всю жизнь столько не ходил, сколько он находился с этими замечательными тетечками.

Больше всего мне запомнилось то, что обед готовится вместе с детьми, а потом дружно поедается. При чем детей учат не только готовить, но и накрывать на стол, убирать за собой. Мика у меня с тех пор и посуду моет, и квартиру помесосит...

- Дети там спят? У них есть тихий час?

- Нет, не спят. Хотя есть совсем маленькие... Я однажды наблюдала такую картину: как после обеда в закутке, где вешают одежду, дрыхнут дошколята, свернувшись калачиком на упавших куртках...

- Ты за Мишку платила?

- Да, но ты знаешь, это была вполне доступная цена.

- А что еще интересного происходит в швейцарском Доме культуры?

- Еще так собираются мамы с двух-трехлетними детками. Но не в среду. Звучит клин: давайте соберемся во вторник, в 16.00. Мамочки приходят пообщаться, обсудить свои насущные проблемы - кормежку детей, их болезни, капризы... Примерно то, что происходит у нас возле песочницы, когда мамы выгуливают детей. Только здесь, в Доме, можно выпить кофею, да и детшкам есть чем друг с другом заняться.

Второгородничество

- Хорошо, отметок в школе нет. Но как-нибудь поощряют тех, кто больше баллов зарабатывает?

- Допустим, пишут они диктант из нескольких слов. Если ты сделал десять раз подряд ноль ошибок, то тебе выдают какая-нибудь новую красивая ручка. Ребенок подсчитывает: сколько у меня уже набралось работ без ошибок? Ага, завтра мне должны выдать ручку.

Но есть годовые контрольные работы. И они жесткие. Потому что тест - он и есть тест. Набираешь определенные баллы. И там уже надейся только на себя. Если набрал 30 баллов, это очень хорошо.

- Ну, а если совсем мало баллов набрал какой-нибудь бедолага? Не тянет программу. Тогда что? Какие у него перспективы?

- Я была свидетельницей развернувшейся по телевидению Тичино дискуссии: что делать с отстающим учеником? Перспектив - три. Первая - подтянуться с родителями и подтянуться. Но это стоит больших денег. Вторая - перейти в класс послабее. Это касается только средней школы, не начальной. В средние школы Швейцарии существует иерархия по уровням подготовки. Поэтому в своей параллели всегда можно перейти в класс, уровнем ниже, послабее.

- И последняя, самая популярная перспектива - это остаться на второй год. Да-да! Для нас остаться на второй год - это катастрофа. В Швейцарии - же желание самое обычное. Остаются на второй год либо по решению педсоветов, либо по желанию самого ученика. Хочешь повторить программу? Чувствуешь себя неуверенно? Много проболел? Хочешь посмотреть учителя? Пожалуйста - оставайся на второй год. И никто на тебя косо не посмотрит.

В лицеех, в колледжах многие старшеклассники (даже те, кто очень хорошо учится!) по своему собственному желанию еще раз повторяют предпоследний год. Чтобы в последнем, выпускном, классе были самые высокие баллы. А вот последний год повторять нельзя, уввы.

Хобби - дело второе

- Ну, а как тут у вас в Швейцарии дело обстоит с внешкольными занятиями? Мучают здешние родители своих детей музыкальной школой?
- К сожалению, не мучают. Нет, если ребенок хочет, то пожалуйста. Но, как правило, это не очень высокий уровень и очень большие деньги. Здесь хобби считают делом несерьезным. Вот школа - это основное, главное. А все, что вне школы, - уж как приедется. Мало профессионально. Очень все по любительски. Нет традиций. Я сравниваю с самой обычной советской музыкалкой.

Все свободное от школы время дети болтаются. Раз в неделю еще чем-то могут позаниматься. И то мама нашей трехлетней Карлотты сказала: ну зачем нагружать ребенка? Дети должны быть детьми... Да и потом это стоит денег! (А их семья одна из самых богатых в Швейцарии).

Я определила Мику в гимнастику. Ему очень нравились занятия, и то он все время упирался, потому что под окнами гуляют мальчишки, играют в футбол, катаются на велосипедах... А почему я должен идти, почему все гуляют, почему никто ничем не занимается, а я должен заниматься?В России он не задает таких вопросов. Потому что все с утра до вечера чем-нибудь занимаются...

Все еще хочется в школу

- Но ты не утерпела и привезла Микеле в Москву. С тем, чтобы дать сыну зачатки фундаментального образования и не дать закиснуть его разгильдяичным привычкам? Микеланджело пошел в третий класс по программе 1-3. Ну и как ему, тебе наша школа?
- Я пока не разобралась - слишком мало времени прошло. Но то, что Мике нравится учиться - это факт. Бывает, мы закрываем где-то, приходим поздно... Утром вдруг звонит будильник. Я говорю: Мика, может быть, нам не ходить в школу? А он: ка-а-ак не ходить?! Вскрывает как ужаленный - и бегом в школу.

Так было и в Швейцарии. Может, сейчас он так ведет себя по привычке?

- Можешь мне верить, в России ты немного найдешь второклассников, которые бы хотели ходить в школу или учиться. Папа одного из моих учеников как-то сказал коллегам по работе, что его сын недоволен тем, что в школе ему мало задают... Коллеги ему не поверили: ка-ак, твой ребенок в третьем классе - и до сих пор хочет в школу?!!!

...Подумай: может, потому у швейцарских детей и нет никаких внешкольных дополнительных хобби, что вся самая интересная жизнь сосредоточена как раз в школе! И хор, и рисование, и выпечка какой-нибудь тарталетки вместе с ее поеданием?... А у нас школа - это школа. Поэтому в школу я не хочу. Я хочу туда куда-нибудь, но только не в школу. А если занятия по музыке похожи на школьные уроки, то на них я тоже не хочу...

Так что спасибо Николе! Спасибо и женевской школе! Там нет жесткой системы отметок, дети там якобы только и знают что развлекаться... Но твой Мишка хочет учиться.

Разве этого мало? |